

LIZA DALE

SCREENPLAY

5. 3 A 6 4 8 W A 9

16+

Лиза Даль

Screenplay 5. Забывшая

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=33474382

SelfPub; 2019

ISBN 978-5-5321-0398-6

Аннотация

Вчера ты засыпала в скромной однушке на окраине Москвы, а сегодня проснулась сказочно богатой принцессой на берегу океана. И кто этот странный человек, называющий себя твоим мужем? Ты растеряна и напугана, не знаешь что и думать. Может, летая во сне, ты перепутала тела и проснулась не в том? Может, ты всё ещё спишь? Ведь всё происходящее ничем не напоминает реальность, и от этого страшно, очень страшно. У тебя есть то, о чём ты и мечтать никогда не осмеливалась, но всё это не может заткнуть зияющую пустоту в душе, из которой сквозит могильным холодом даже в этой жаркой весёленькой стране.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	27
Глава 3	44
Глава 4	71
Глава 5	80
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Глава 1

Меня терзало отвратительное ощущение внезапного воскресения. Вот только что существовала безграничная пустота, тишина и спокойствие, но вдруг у тебя появляется тело, ты открываешь глаза, подставляешь воспалённые белки едкому солнечному свету и обречённо думаешь: «Боже, нет...»

Знакомая тяжесть бытия, на этот раз обострённого сильнейшей алкогольной интоксикацией, врывается в память. Рассеивается блаженная темнота забвения, выстраивается картина мира. Медленно и урывками, будто выплывающие из тумана призрачные очертания незнакомой местности, проясняется сознание. Ты живая. И раскалывающаяся голова – лишнее этому доказательство. А пить-то как хочется! Этим шершавым языком прямо-таки можно киви чистить! Похоже, кто-то вчера не слабо наклюкался, а, Манюня?

Я полежала, морщась от шума крови в ушах, потёрла виски, левый пронзило калёным железом. Охо-хо... Кажется, я ещё и ударилась этой бестолковой головой. Да, пить я определённо всё ещё не умею и не умела никогда, каждый раз одна и та же ерунда – головная боль и провалы в памяти.

Открыла глаза – всё очень белое. Туман. Нет, не туман – какие-то занавески прямо над моей кроватью. Проморгавшись, поняла, что это антимооскитный балдахин. Ну что ж,

отлично, Маша, просто отлично! В пьяном угаре тебя унесло на чью-то дачу, поздравляю, дубина.

Постанывая, села. Тупо и безучастно разглядывала какое-то время проступающую сквозь белую сетку незнакомую обстановку. Поползала по кровати, пытаюсь найти выход из-под балдахина, наконец, спустила босые ноги на пол. Солнце уже высоко, продрыхла, наверное, до самого обеда. Если мои собутыльники, кем бы они ни были, сейчас же не дадут мне воды, я скончаюсь, просто скончаюсь от этой дикой жажды! Нужно найти кого-нибудь. На мне незнакомая длинная футболка, нет, даже не футболка – нечто вроде ночной рубашки, весёленькая, жёлтенькая, с пальмами. Надо подняться на ноги. Как тяжко-то, а! Всё, теперь точно больше никогда не пью. Точно-преточно! Никогда!

Я сделала шаг к двери, ещё один. Краем глаза заметила странные отблески за окном. Чувствуя, как сердце заходится от недобрых предчувствий, взяла курс к открытому балкону.

Колени ослабли, руки задрожали ещё сильнее, глаза зачесались так, что мне захотелось их выцарапать. Минуту спустя я сложила картину в одно целое. Я стою на балконе, на лужайке передо мной плавно раскачиваются на ветру яркие цветы, справа и слева возвышаются ослепительно белые стены, пальмы шуршат широкими листьями, бескрайняя бирюзовая гладь сверкает на солнце.

Спокойно!

Это чей-то безумный, тщательно продуманный розыг-

рыш. Я бессознательно завертела головой в поисках скрытых камер, уверенная, что за мной следят. Перебрала возможные причины такого сюрприза. У меня день рождения? Но он же в... стоп. А сейчас что? Какой месяц? Я не знала, не помнила. День недели? Любой из семи. Год? Две тысячи девятый – неуверенно подсказало сознание.

Держись, Маша, сядь лучше в кресло, пока не упала, дыши.

Я потёрла глаза, подёргала себя за волосы, больно ущипнула за руку и даже дала себе несколько пощёчин. Бирюзовое безмятежное море по-прежнему играло солнечными бликами, на горизонте виднелись окутанные туманной дымкой острова. Я призывала себя к спокойствию, пыталась сложить все несообразности в нечто логически непротиворечивое, но выходило плохо. «Наверняка всему этому есть какое-то простое объяснение, – убеждала я себя. – Да, оно должно быть, просто я его пока не знаю».

Вдруг из глубин сознания всплыл мутный, растаявший от времени образ подружки, разговаривающей по телефону с оператором туристической фирмы. Сидя в какой-то кругло-суточной забегаловке, голодные и пьяные после ночного клуба, мы вдруг решили срочно рвануть на море и обговаривали с менеджером детали. Горящая путёвка до египетского курорта с вылетом через несколько часов нас вполне устроила, и мы, наверное, даже уехали бы в аэропорт, если б я совершенно случайно не вспомнила, что у меня ещё нет заграничного

паспорта. Расстроились мы тогда не на шутку и пообещали сами себе, что когда-нибудь обязательно провернём эту затею со спонтанной поездкой на море. Порывшись в памяти, я осознала, что загранпаспортом я уже обзавелась, и довольно давно.

Вот это да! Ну и ну! Мы, две пьяные идиотки, всё-таки сделали это, осуществили свой давний замысел, придуманный также на пьяную голову? Мы всё же допились до того, чтобы в полубессознательном состоянии купить билеты на первый же рейс до Шарм-эль-Шейха и рванули на море? Как нас вообще в самолёт-то пропустили в таком виде? Как жаль, что я этого не помню, как хорошо, что я этого не помню. Да, сердобольная память часто стирает из затуманенного алкоголем сознания самые отвратительные моменты. Я напряглась, пытаюсь вспомнить события, приведшие меня на берег этого моря, но в голове была пустота – сплошная чёрная пустота, вакуум, в котором ничего не существует. Стоило закрыть глаза, как среди тёмной головокружительной бездны возникали и тут же исчезали какие-то картинки, обрывки, но я не только не могла понять, относятся ли они к делу, но даже не могла восстановить в памяти очерёдность этих событий.

А может?..

Нет! Пожалуйста! Только не это! Я же не поссорилась с Даней? Он ведь не бросил меня? Я вдруг почувствовала себя так, будто оступилась и упала в яму, какое-то глухое отча-

ание набросилось на меня со всех сторон, и я начала задыхаться. Лёгкие сдавило, словно невидимые змеиные кольца обвили грудную клетку и с каждой секундой сжимали её всё сильнее. Одно из колец опутывало горло, я задышала часто и неглубоко, пытаюсь не потерять сознание от удушья.

Всё хорошо, Манюня, всё хорошо. Тебя сюда Даня и привёз. Смотри, всё сходится – море, красивый номер, у тебя болит голова, ломит висок. Ты просто упала ночью с кровати, ударилась, и у тебя произошёл маленький провал в памяти. Это случается. Кольца постепенно разжимаются, лёгкие дышат, кровь начинает бежать по телу, впрыскивая в мозг потоки новой боли. Ну как же всё-таки голова гудит! Невыносимо! И тошнит ещё вдобавок.

иди умойся

Я поискала ванную в своём номере, но тщетно. Открыла дверь, высунула объятую пламенем голову в коридор. Не сильно похоже на отель. Какой-то гест-хаус, что ли? Ох, беда-беда... Общая кухня, общий санузел, а я в таком виде. Но если я сюда с Даней приехала, этот дом вполне может оказаться арендованной виллой. Нужно добраться до водопоя, давай шевелись.

Я пошла вперёд. Ступала осторожно, опасаясь, что будут скрипеть полы, но они не скрипели. С трудом переставляя ноги, добрела до лестницы, кое-как спустилась вниз и оказалась в гостиной, объединённой с кухней. Застыла, озираясь по сторонам, как деревенщина. Шикарная обстановка,

дорогущая мебель, картины, стекло. Всегда чувствую растерянность и под ложечкой сосёт, когда вижу такое вот богатство, несмотря даже на то, что Даня постепенно приучает меня к этому. Я всё ещё не готова жить в его роскошном доме и только поэтому не переезжаю к нему, но рестораны и дорогие отели, по которым он меня таскает, подготавливают меня к жизни рядом с ним. Какие здесь высокие потолки, наверное, метров пять-шесть! Оторвавшись от здоровенной антикварной люстры, я наткнулась взглядом на человека и тут же спряталась за угол, сердце стучало, как бешеное. Я совершенно точно не знаю его, вижу впервые! Несколько раз осторожно выглянула из своего укрытия, рассматривая незнакомца. Мощный симпатичный брюнет в свободной зелёной рубашке, одной рукой почёсывает макушку, другой сжимает мышку от ноутбука, нахмурившись, смотрит в монитор. Кто он такой? Стоит ли его опасаться?

Любопытство пересилило подозрительность, я обтёрла вспотевшие ладошки о рубашку и вышла в пятно солнечного света. Брюнет изумлённо и немного даже испуганно уставился мне в лицо. Вскочил с места, подошёл ближе, держась настороженно, будто не был уверен в том, знакомы ли мы, и можно ли мне доверять. Лицо напряжённое, болезненное. Видно, ему тоже несладко с похмелья.

– Hello – просипела я, решив на всякий случай быть вежливой. – How are you?

– Сядь, пожалуйста.

Ясно. Русский. Он бережно взял меня под руку и проводил до своего стула. Захлопнул ноутбук.

– Хочешь пить? – спросил.

– Все с похмелья всегда хотят одного и того же, – я виновато разулыбалась сквозь боль. Было немного стыдно за то, что я не помню его и не помню вообще ничего.

– С похмелья? – нахмурился он.

– Э-э-э-э... – я прошла рассеянным взглядом по полу, но, к сожалению, на нём не валялось нужных слов. – Можно воды?

Прищуривав один глаз, я наблюдала за брюнетом, его огромные руки гипнотизировали.

– Где Даниил? – решила я попытать счастья.

До краёв наполненный стакан опустился передо мной. Брюнет молчал. Лёгкое покалывание пробежало по моей спине от копчика и до самых корней волос.

– У меня неприятности? – спросила.

– Выпей воды, – он подвинул стакан чуть ближе ко мне.

Я выпила всю воду большими громкими глотками и попросила ещё. Казалось, пересохшее горло впитало жидкость, как губка, не позволив ей достигнуть желудка. Принимая с благодарностью второй стакан, я стыдливо потупилась, извинилась и спросила у брюнета его имя.

– А как зовут тебя саму? – спросил он в ответ осторожно.

– Мы не знакомы?

– Как сказать... – он то тёр себе щеки, то растерянно ози-

рался. – Мы знакомы очень хорошо, но ты иногда об этом забываешь. Иногда сильно забываешь. Так как, по-твоему, тебя зовут?

– Маша, – сказала я, впервые усомнившись в том, что знаю это наверняка, и чувствуя, что ситуация начинает мне очень и очень не нравиться.

– Тебя теперь зовут Луиза, – сказал он успокаивающим ровным голосом. – А меня Арман. Мы французы, переехавшие в Камбоджу, когда моя тётка, жившая здесь, умерла и оставила нам землю.

– Если мы французы, – медленно сказала я, подозревая, что то ли схожу с ума, то ли имею дело с психом, – то почему мы говорим на русском? Мы ведь на нём говорим, я правильно понимаю?

– Мы долго прожили в России. Ты работала менеджером в Московском филиале французской компании, и, конечно, мы выучили язык. Послушай, – перехватив мой взгляд, он предупреждающе поднял руку: – Я знаю, всё это звучит как бред, всё очень запутанно, но только потому, что так должно быть, понимаешь? Это для твоей же безопасности. На самом деле всё, конечно, не так, я, наверное, не с того начал...

Я пребывала в смятении, разрывалась между твёрдым убеждением рассудка в том, что все это сон, и не менее твёрдой уверенностью тела в истинности происходящего.

– Послушай, Арман или как там тебя... – начала я, вставая со стула, намереваясь сделать неизвестно что.

– Можешь называть меня Артём и не торопись. Дай мне всё объяснить, хорошо?

– Попробуй.

– Конечно, мы никакие не французы, это просто легенда, у нас только в паспортах французские имена и фамилии. Я чуть позже объясню, зачем это понадобилось, сейчас дай мне рассказать о себе. Я твой муж, женаты мы уже пять лет...

– Муж?!

– Да, муж, – подтвердил он спокойно.

Я снова инстинктивно огляделась в поисках скрытых камер. Что за идиотский розыгрыш?

– Женаты, значит, – разозлилась наконец. – Сколько? Пять лет? А дети у нас уже есть?

Брюнет поморщился, почесал переносицу, поднял на меня осторожный взгляд:

– Мы... Мы работаем над этим.

Я как раз отпивала из своего стакана, и вода попала не в то горло. Я закашлялась. Кашляла долго, до тех пор, пока меня не стошнило выпитой водой прямо на пол. Пока вытирала губы, брюнет исчез. Видимо, в поисках тряпки.

– Ты идиот? По-твоему, это смешно? – накинулась я на него, вытирающего лужу у моих ног. – Кто ты такой? Где Даня?

Брюнет вытер остатки, отодвинул тряпку в сторону, поднял на меня серьёзные глаза.

– Знаешь, почему тебя тошнит, Лу?

– Что за дебильное имя? Что ещё за «Лу»??

– Это сокращённо от «Луиза». А тошнит тебя из-за сильного сотрясения мозга. Голова болит по той же причине. Две недели назад ты упала с лестницы и ещё не до конца поправилась. Поэтому ты ничего обо мне не помнишь. Похмелье здесь ни при чем.

– Ну конечно же, похмелье ни при чём! Я просто упала с лестницы и потеряла память! – я вскочила на ноги. – Придурок!

Брюнет тоже резко поднялся, положил руки мне на плечи, моя голова едва доходила ему до груди. Незнакомый болезненный спазм сковал грудь, я вывернулась и побежала к лестнице. Он пугал меня. Этот дом пугал меня. Стены давили, прыгивали со всех сторон. Голова кружилась. Ослабшие ноги заплетались...

– Стой! – крикнул он мне вслед. – Что ты помнишь?

Я бегом поднялась на второй этаж. Ударила кулаками в первую же попавшуюся дверь. Ванная. За следующей дверью оказалась та комната, в которой я проснулась. Ещё одна дверь вела в похожую на мою спальню. Всё. Двери кончились. Я сползла на пол, забилась в угол.

«Милый Бог! Я знаю, что я плохой, ужасный человек! Знаю почему ты наказывал меня и отнимал всё самое дорогое – потому что я не верила в тебя. Но сейчас, пожалуйста, прошу, не отнимай у меня самое ценное, единственное, что у меня осталось, – пожалуйста, не отнимай мой разум! Я не

хочу сходить с ума, пожалуйста, пощади...»

Незнакомец возник в лестничном просвете. Всё-таки он ненормально огромен. Я пыталась уползти ещё дальше, упиралась в пол ногами, старалась врасти в стену.

– Пожалуйста... – шептала я, закрывая лицо, – не трогайте меня. Что вам нужно?

– Посмотри на меня! – он поймал мои руки. – Я не сделаю тебе ничего плохого. Клянусь!

Я пыталась вырваться, но силы в его руках хватало не только на то, чтобы удерживать мои, но и при желании превратить кости в моих запястьях в муку. Дыхание сбилось и перешло в дикие, панические всхлипывания.

– Зачем вы привезли меня сюда? – сипела я.

Стоп! Хватит скулить! Вспомни кто ты! Ты уже не та беззащитная беспризорная девчонка, у тебя теперь есть собственное казино! И тот, кто может за тебя постоять! Пригрози ему!

– Вы делаете большую ошибку, удерживая меня здесь! Вы хоть знаете, кто мой будущий муж?! – с ненавистью выкрикнула я ему в лицо и осеклась.

Внезапно я всё поняла и пришла в ужас – конечно, он знает, именно поэтому я здесь! Меня похитили, снова похитили! Они накачивают меня наркотиками, чтобы я не кричала и не пыталась бежать, поэтому я ничего не помню! Сколько я уже здесь нахожусь? Сколько денег они уже успели выманить? Грязный тёмный подвал, отрубленный палец, голод,

крысы вспышками освещали ту чёрную пустоту, которая образовалась в моей памяти. Я вновь услышала металлический скрежет ключа в замке, почувствовала холодный камень под ладонями... Крупная дрожь колотила тело, зубы клацали как в ознобе.

– Я всё объясню, – говорил он торопливо. – Пожалуйста, успокойся и дай же мне хоть несколько минут! Я всё тебе объясню! Мне и самому очень нелегко...

Ещё долго я не могла прийти в себя и всё вжималась в стену, словно пытаюсь проделать в ней брешь в другое измерение, в то, где я всё ещё находилась в Москве и у меня была любимая работа и любимый мужчина.

Ещё не скоро он уговорил меня спуститься на первый этаж. Тряс меня за плечи, просил успокоиться, гладил по голове, держал мои руки...

Он налил мне крепкого чая. Артём. Да, так он просил его называть.

– Что ты помнишь? Какие из твоих воспоминаний можно назвать последними?

Пробираться сквозь дебри прошлого было сложно, сознание мне отказывало, видимо, оберегая мой нестабильный разум. Все воспоминания смешались воедино, в один непонятный лишённый смысла узор, я никак не могла восстановить их последовательность. Смотрела на его руки, которые нервно развинчивали и свинчивали авторучку, пыталась думать,

но думать было больно и неприятно, будто в мозгах моих ковырялись спицами. Длинной вереницей плыли неясные образы, что-то, что я когда-либо видела, переживала, знала и даже то, что уже давно забыла.

Муж умер. Я страдала, мучилась и спивалась. Потом решила начать новую жизнь. Сменила место жительства и работы, записалась на курсы французского. Я всегда хотела выучить французский язык. Смешной преподаватель с козлиной бородкой. Мы его так и звали – Chèvre. Купила свою первую машину, подержанную японскую малолитражку. Карты, фишки... У нас корпоратив, новогодний корпоратив! На нём я и познакомилась с Даниилом Владимировичем, Даней. Да, это было тогда. Тогда он и начал понемногу ухаживать за мной, встречал с цветами после работы, возил в рестораны. А вскоре предложил открыть своё собственное казино, сказал, что скоро выйдет закон о запрете азартных игр и пора подстелить соломки. Сначала я ему не поверила и не восприняла это предложение всерьёз, слишком уж сложным мне всё это показалось. Но через месяц на работе действительно сообщили, что скоро все казино закроются. Пит-босс Миша приглашает меня в кино. Говорит: «А давай в знак протеста пойдём на свидание». Я отказываюсь. Не знаю, как жить дальше, где работать. Растерянность. Отчаяние. Иду по улице, ломается каблук. Звоню Дане, соглашаюсь. Мы отмечаем это в ресторане, потом начинается тяжёлая работа, в перерывах он возит меня отдохнуть в подмос-

ковные дома отдыха или за границу на пару дней. Я влюбляюсь в него всё больше, открываюсь ему... Мы уже иногда вместе спим, и я подолгу рассматриваю его лицо в темноте, не веря своему счастью, не веря тому, что у меня теперь будет и своё казино, и свой мужчина. Говорю квартирной хозяйке, чтобы начала подыскивать новых жильцов, мы... мы улетаем в Вену на выходные, останавливаемся в отеле... нет, не помню названия... завтра мы должны пойти в оперу... Я просыпаюсь в этом доме.

Я смотрю на свои пальцы, сжимающие чашку с чаем. Загорелые и похудевшие. Перевожу взгляд на свои голые колени – тоже загорелые и похудевшие. Ловлю себя на мысли, что волосы падают мне на лицо. Короткие светлые волосы. Начинаю мелко и часто дрожать. Поднимаю глаза на брюнета:

– Я помню всё до того момента, как улетела в Вену со своим мужчиной, примерно через пару месяцев после открытия нашего казино.

Он вздохнул:

– Казино закрылись почти шесть лет назад, Лу. Ты больше не встречаешься с этим своим Даней. Он просто использовал тебя, чтобы запустить в работу собственный игорный дом. Когда он уверился в том, что ты ему больше не нужна, он бросил тебя.

Да. Такая история вполне могла произойти – всем известно, как много в мире подлецов. Эта история могла произой-

ти с кем угодно, но только не со мной.

– Пять лет назад мы поженились, Лу, – продолжал Артём. – В этом доме мы живём уже около месяца. И, наверное, в десятый раз я рассказываю тебе всё это, я уже привык. Как я уже сказал, ты упала с лестницы, и это было страшное падение. Лестница очень крутая, ты не просто скатилась с неё, ты полетела вниз и серьёзно ударилась головой. У тебя случилось сильное сотрясение мозга. Какое-то время ты лежала в больнице, но, когда во врачах отпала необходимость, я забрал тебя домой. Ты сама на этом настояла, сказала, что ненавидишь докторов.

Из-за травмы головы у тебя случаются провалы в памяти. Иногда, проснувшись, ты не можешь вспомнить вообще ничего, даже своего имени. Так было в первый раз, когда ты открыла глаза в больнице. Ты дня три прожила человеком без прошлого, однажды ты проснулась и помнила всё, за исключением последнего года. Врачи говорят, что, возможно, это будет случаться с тобой до тех пор, пока ты окончательно не поправишься, пока не спадёт отёк. Мозги ведь такое дело... Так что иногда ты будешь помнить всё, а иногда не сможешь вспомнить событий последних лет или месяцев. Каждый раз, желая тебе спокойной ночи, я не знаю, с кем встречусь утром – со своей любящей женой или с перепуганной женщиной, считающей меня чужаком. Не знаю, будешь ли ты помнить вчерашний день.

Теперь представь, каково мне, а, милая? Сегодня ты не

смогла вспомнить последних шести лет. Прошу тебя, не пугайся, Лу, и не нервничай. Однажды ты всё вспомнишь. И то, какой тварью оказался этот твой Даня, и меня, и то, как начинались наши отношения. И как мы поженились. Не спеши, дай себе время на выздоровление, тебе нужно просто отдохнуть и стараться не нервничать, Лу. Я всегда рядом.

Я слушала его отстранённо, будто он разговаривал не со мной и я просто оказалась невольным свидетелем чьей-то беседы. Когда он замолчал, я поймала себя на мысли, что жду, когда ему ответят. Отголоски его фраз ещё долго звучали в моей голове, пока я не сообразила, что никого, кроме нас, здесь нет и все его слова обращены действительно ко мне.

– Если ты мой муж, почему ты называешь меня этим дурацким именем? Ты разве не знаешь, что меня зовут Мария?

– У нас поддельные документы, согласно которым мы являемся камбоджийскими подданными, и мы должны называть друг друга новыми именами даже дома, чтобы случайно не выдать себя на публике. Тебе нужно привыкнуть к этому имени. Я уже привык называть тебя так, хотя поначалу мне было нелегко.

– Поддельные документы?

– Ну как поддельные... Они настоящие, по нашему заказу сделанные, просто это наши новые документы и наши новые личности. Я привёз тебя сюда, чтобы скрыть от полиции. Понимаешь, вдобавок ко всему ты ведь объявлена в розыск... – сказал он и одарил меня улыбкой, которую обычно берегут

для тех, вместе с кем довелось стать участником удивительных событий.

Я просто пью чай. В голове среди стерильной пустоты гуляет ветер. Он выдувает все мысли, возникающие на месте этой пустоты. Я пытаюсь сконцентрироваться хоть на чем-нибудь. Чай остыл. Я не люблю тёплый чай. Мне нужен горячий. Ногти какие-то обгрызенные. Лак облупился. Как я могла так запустить свои руки? Голова болит. Живот болит. На столе в красивой плетёной вазе красивые яркие фрукты. Есть не хочется. Снова тошнит. Я смотрела на брюнета. Его сочувствующая физиономия породила эмоции, которым я никогда не нашла бы определения, но в конце концов разозлила меня.

– Я не буду спрашивать, – прошипела я, – почему ты думаешь, будто я поверю в эту галиматью. Я хочу спросить: зачем тебе нужно, чтобы я поверила в это?

– Узнаю свою жену, привет, милая, – он довольно хмыкнул, будто я удачно пошутила, но тут же посерьёзnel вновь. – Потому что это правда, Лу. Потому что, кроме меня, у тебя никого нет. Потому что, кроме тебя, мне никто не нужен.

Я молчала, мне казалось, что это самая разумная тактика. Залпом допила чай, мягко поставила кружку на стол.

– Я могу выйти из этого дома?

Он откинулся на спинку стула, развёл руками:

– Ты здесь не пленница.

Я поднялась на ноги, сделала шаг назад, он тут же подался

вперёд, ладони, лежащие на столе, сжались в кулаки. Я застыла на месте. Спокойно. С психами нужно разговаривать спокойно.

– Где, ты говоришь, мы находимся? – прищурилась.

– Камбоджа.

– Где это? Звучит как какое-то африканское государство.

– Это королевство между Вьетнамом и Таиландом.

Я сделала ещё шаг назад. Брюнет не дрогнул.

– Ясно. И где здесь русское посольство?

– В двухстах километрах отсюда. В столице.

– Мне нужны мои документы и деньги на билет, – рискнула я и внутренне сжалась под долгим испытующим взглядом.

– Хорошо, – поднялся он. – Подожди минутку.

Он скрылся за моей спиной, я услышала тяжёлые шаги на лестнице.

Нужно срочно избавиться от этого психа, пока он и меня не свёл с ума! Только бы он меня выпустил отсюда! Конечно, что-то здесь определённо не так. Ничего. Я с собой разберусь. Я знаю, это какой-то наркотик. Каким-то образом он попал в мой организм. А с этим придурком пусть разбирается полиция. Накачал меня, скотина. Нужно срочно попасть в русское посольство! Пожалуй, он и убить меня может, если захочет. Вся эта его напускная вежливость лишь для того, чтобы усыпить мою бдительность! Что ж, сделаю вид, что верю ему, а сама при первой же возможности... Снова шаги на лестнице. Я вся сжалась, по спине бежали тонкие струй-

ки холодного пота. Мощная рука приобняла меня за плечи и подвела к столу.

– Сядь, Лу, – сказал голос над ухом, и всё та же сильная рука усадила меня на стул.

Передо мной с глухим стуком опустилась большая коробка из-под сигар.

– Что это? – я подняла глаза на брюнета.

– Сама посмотри.

Я взяла коробку и некоторое время просто держала её в руках, словно опасаясь, что завладела ящиком Пандоры. Наконец перевернула её вверх дном, фотографии рассыпались по столу. Чувствуя, как к горлу снова подкатывает тошнота, перебрала их. Оттолкнула в сторону. Прохрипела:

– Фотомонтаж.

– Это наши свадебные фотографии. Я забрал их с собой, когда мы бежали из России.

А я уже тянулась к старому газетному листу. Заметка в новостях. Некая девушка с моим именем, фамилией, отчеством и датой рождения сторела в своей перевернувшейся в кювет машине недалеко от подмосковного Подольска. Погибшую опознали по украшениям, часам и пряжке от ремня. В заметке также упоминалось о том, что девушка была объявлена в розыск за мошенничество. Датировано апрелем 2011 года.

– Как это понимать? – прошептала.

– Ты только начинала учиться, Лу, и ещё не очень хоро-

шо умела заматывать следы. Ну и попалась. Мы инсценировали твою смерть, посадили в твою машину на водительское место чужой труп и обвешали его твоими цацками. Это чтобы полиция не искала тебя. Выправили тебе новые документы, впоследствии их у тебя ещё много было. А вот этот – последний.

Он выудил из вороха фотографий и каких-то листков паспорт, передал его мне. Документ гласил, что женщина с лицом, немного похожим на моё собственное, носит имя Луиза Морей и является камбоджийской подданной.

Так, спокойно, меня здесь просто нет, я сижу в Москве, обдолбанная какими-то тяжёлыми наркотиками. Да, это всё ещё действует какая-то дурь, всё это – карикатура одурманенного мозга. Нужно просто подождать немного, нельзя позволить наваждению похитить свой разум, я просто сплю в наркотическом бреде. Ну почему, почему я не пробовала наркотики раньше? Тогда я хотя бы понимала, как они действуют! Я проглотила их по собственному желанию или мне их подмешали во что-то? Нужно вспомнить, вспомнить, как это произошло...

Брюнет постучал пальцем по столу, привлекая к себе внимание, потёр глаза, устало посмотрел на меня.

– Если ты соберёшься идти в посольство, учти тот факт, что свидетельство о твоей смерти было выдано ещё пять лет назад, а твои отпечатки пальцев находятся в базе Интерпола. Отпечатки с мест преступления, которые ты совершила за

последние несколько лет, Лу.

Среди всего этого лютого безумного бреда мне удалось разобрать только одно:

– Ты, кажется, хочешь сказать, что сейчас не 2009 год?

– Сейчас сентябрь две тысячи пятнадцатого, – брюнет испытующе заглянул мне в глаза, поджал губы и отбил дробь пальцами по столешнице.

– Это что, какая-то игра? – прищурилась я. – Сон? Какой-то эксперимент?

– Это амнезия.

– Нет...

Амнезия – это ерунда. Всем известно, что амнезия – это полнейшее дерьмо! Как можно забыть что-то о себе? Это ведь ты! Я почувствовала, как сжимаются кулаки, лежащие на моих коленях.

– Я не могла забыть себя! – крикнула.

– Но ведь ты забыла, – сказал он, проникновенно и умоляюще глядя мне в глаза. Подумал и добавил: – Ты помнишь, как оказалась здесь?

– Нет.

– Значит, ты забыла, как попала в это место. Забыла дорогу сюда, так?

– Да, но это ещё не значит...

– Вот видишь. С этим не так уж сложно согласиться. Тебе нужно осознать тот факт, что дорога заняла больше шести лет. И вот их-то ты и не помнишь. Ты не забывала себя, ты

забыла дорогу в это место. И меня забыла – того, с кем шла.

Я лишь тупо смотрела на него. Он снова вздохнул.

– Все просто, Лу. Какой у тебя телефон?

– В смысле?

– Твой телефон, Лу. Какая модель?

– Новый айфон.

– Какая модель?

– Я же говорю – новый. Третий.

Он взял со стола и положил передо мной какую-то космическую штуковину.

– Вот новый айфон. И это уже шестой.

Теперь я смотрела на телефон. Это тупое разглядывание совершенно парализовало остатки моей воли. Я кажется, начинала понимать... Он раскрыл ноутбук и вопросительно заглянул мне в глаза:

– Яндекс? Гугл? Какой поисковой системе ты доверяешь больше, Лу?

– Всё равно...

Он пожал плечами и развернул ноутбук в мою сторону. Дрожащим пальцем я начала печатать «какое...». Под жёлтым окошком поисковика в первой же строчке высочила подсказка: «Какое сегодня число – 20 сентября 2015 года».

Я зажмурилась. В детстве я часто так делала, меня это от многого спасало. От мерещившейся в ночи тёмной фигуры в углу, от невкусной каши, от страшного момента в кино, от некрасивой старухи в автобусе. Детство давно кончилось.

Открыв глаза, я поняла, что нахожусь в прежнем кошмаре. Тело стало слишком тяжёлым и потянуло вниз. Среди наползающего мрака я увидела метнувшееся зелёное пятно, и в следующий момент большие надёжные руки сомкнулись за моей спиной.

Глава 2

Ветер раскачивал лёгкую белую штору. Артём сидел в кресле напротив моей кровати, говорил что-то, а я только смотрела сквозь него, боясь поверить в то, что он существует на самом деле. Я боялась поверить в его существование и в существование всего этого нового чужого мира вокруг меня. Казалось, что стоит только всерьёз признать всю эту чушь реальной, как она тут же реальной и окажется. Открещивалась от неё, отворачивалась, ждала, когда рассеется навяждение, закрывала глаза, мысленно призывая свой прежний мир, открывала глаза, но видела всё тот же кошмар, из которого никак не могла вырваться. Пугало меня не столько настоящее, сколько будущее, мне казалось, что весь происходящий ужас – всего лишь прелюдия к тому, чем окажется последующая жизнь.

Шли минуты, кошмар начал обрастать подробностями, которых я не замечала ранее. Выяснилось, что стены в моей комнате светло-бежевые, а мебель из красного дерева. Что чешется комариный укус на правой лопатке, а глаза у человека, называющего себя моим мужем, карие. Что он беспомощно покусывает нижнюю губу. Что нервно постукивает голый ступнёй по бежевому ковролину. Мощные волосатые руки в подвёрнутых до локтя рукавах сложены на груди. Я разглядывала его краем глаза в те моменты, когда он не смот-

рел на меня. Думала о том, каково это будет жить под одной крышей с совершенно незнакомым человеком.

Пару минут назад я убедилась в том, что весь мир действительно считает меня мёртвой. Настояла на телефонном звонке и связалась с одной из своих подруг, представилась дальней родственницей Марии Мироновой, сказала, что нашла этот номер в случайно обнаруженной записной книжке.

– Мы уже очень давно потеряли друг друга. Вы случайно не знаете, как с ней связаться? – блеяла я в трубку.

– Мне очень жаль вам это сообщать, но ведь Маша умерла лет, кажется, пять назад. Или шесть...

Каждое сказанное ею слово наваливалось на меня невыносимой тяжестью, будто плотнее заковывая в кольцо наваждения. И я сдалась. Позволила наваждению стать моей новой реальностью. Спросила что-то. Артём что-то мне ответил. Поначалу разговор не клеился, наши голоса казались мне далёкими и ненастоящими, хриплыми, будто записанными на старую граммофонную пластинку. Я слышала себя будто со стороны и со стороны наблюдала за этим разговором и за этим телом, которое неуверенно вещало моим голосом, словно не до конца понимало, есть ли у него на это право.

– Так мы богаты? – спрашивала я.

И это интересовало меня меньше всего. Как обычно, самые главные вопросы трусливо комкались и застревали в горле.

– Очень. Даже по московским меркам. А по меркам этой

страны так и вовсе короли.

– Ясно.

Он рассказывал мне про какие-то счета в офшорах и о том, какой недвижимостью мы владеем в Москве. Скоро эту недвижимость продадут, и наши счета, пополнившись круглыми суммами, станут ещё более значительными. Я поймала себя на мысли, что смотрю на него так, будто стараюсь понять, что у него на уме, как часто делают люди при общении с теми, кого хорошо знают. Но я-то его совершенно не знаю, так что не стоит мне пытаться проникнуть в его голову, ничего из этого не выйдет.

– И как же тебе удалось перевезти меня через границы? Как мы вылетели из страны, если я в розыске? Почему именно Камбоджа?

– Мы плыли сюда по морю. Камбоджа – одна из самых коррумпированных стран. Здесь все нищие и все буддисты, всем на всё плевать. Мой знакомый, у которого схожие проблемы с властями, живёт здесь уже давно. Он помог выйти на нужного чиновника, чтобы купить паспорта, помог договориться с капитаном рыболовного судна, на котором нас сюда и переправили.

Он рассказал мне очень много, настало время перейти к главному – к тому, что беспокоило меня больше всего. Как вышло так, что этот здоровенный, чужой, пугающий меня мужчина теперь мой муж? Я никак не могла поверить в то, что больше никогда не увижу Даню. Я всё ещё люблю его,

да, наверное, люблю. Иначе эта беспредельно острая, жгучая тоска не трепала бы моё сердце так настойчиво. Да, это именно оно – чувство потери, и оно так хорошо изучено мной, что я никогда не перепутала бы его ни с каким другим чувством. Знакомая пустота, отчаяние и безысходность владели моим сознанием перманентно, служили фоном для всех остальных, незнакомых эмоций.

– Как мы познакомились? – спросила я наконец.

В то время, когда я сама не находила себе места от смущения, в его глазах не было никакой неловкости. И ничего зловещего.

– Мы работали на одного и того же человека, – спокойно говорил Артём, откинувшись на спинку кресла. – Я пришёл к нему на полтора года раньше. Когда я впервые увидел тебя, то сразу понял, что больше всего на свете хочу одного – сделать тебя своей. И, должен сказать, это было нелегко. Ты была упрямой, как...

Он досадливо сплюнул на пол. Я слабо улыбнулась:

– Похоже на правду.

– Да. И знаешь, что ещё покажется тебе правдой? У нас в компании была строгая политика – никаких отношений между сотрудниками. И, кажется, только из-за этого ты всё же таки согласилась на свидание со мной. Назло, так сказать, запретам.

– Узнаю свой почерк.

Артём довольно хмыкнул и подался вперёд, сказал, при-

стально глядя мне в глаза:

– После этого свидания я уже не мог думать ни о чем другом, кроме как о тебе, и через пару месяцев сделал предложение.

Я закусила губу, чувствуя горечь от того, что в моей голове не нашлось ничего, что могло бы подтвердить или опровергнуть его слова.

– И я сразу согласилась?

– О, если б всё было так просто, то это была бы не ты. В двух словах – пришлось попотеть. Примерно пару недель.

– Всего две недели? – огорчилась я почему-то.

– Знаешь, я ведь могу быть очень убедительным, когда захочу. Я старался как мог, я превратил твою жизнь в сказку, ты выглядела очень счастливой, и в конце концов я сказал: «Милая, если ты хочешь, чтобы так было всегда, ты должна дать своё согласие. Сегодня, сейчас. Если ты откажешься, я, скорее всего, переживу это, но ты не сможешь ничего изменить, если вдруг передумаешь».

– Хитро, – похвалила его я. – И это сработало?

Он продемонстрировал мне кольцо на безымянном пальце.

– Твоё кольцо в ванной на полке. Ты очень похудела, и оно стало велико тебе.

– И почему я так похудела?

– Переживала из-за своей неудачи. Из-за того, что попала. Мы с тобой были как Бонни и Клайд, всегда работали

вместе, в паре. В какой-то момент я улетел... в командировку, так скажем, и не смог подстраховать тебя. Твой временный напарник накосячил...

– Мы что же, грабили банки? Чем мы занимались?

– Нет, Лу, банки мы не грабили, – рассмеялся Артём, и я почувствовала себя глупо. – Мы действовали намного изящнее и занимались в основном финансовыми махинациями.

Я уже ощущала себя перегруженной информацией, и каждое новое слово, произнесённое Артёмом, пытаюсь втиснуться в битком набитый череп, будто распирало его изнутри, отчего головокружение, боль и тошнота только усиливались. Вместо ответов я получала всё новые и новые вопросы. Моё сознание словно не с забвением боролось, а с мифическим змеем, у которого сразу же вырастают две новые головы взамен одной отрубленной.

– Всё, хватит, – я ударила ладонями по одеялу. – Потом расскажешь, не хочу ничего слышать про свою преступную деятельность. Я не могу вот так сразу всё осмыслить.

– Как скажешь, – он улыбнулся, шутливо поднял руки, и этот жест показался мне знакомым. Даже сердце ёкнуло. – Тебе что-нибудь нужно? Может, хочешь есть?

– Может быть. Не знаю...

– Ну, конечно, хочешь, – поднялся Артём. – Лежи, я принесу что-нибудь пожевать.

Бережным жестом он поправил моё одеяло и вышел.

Как проснуться, если не спишь? Как поверить в то, что

все его немислимые и бессмысленные слова описывают на самом деле мою новую реальность?

Я закрыла глаза и поняла, что открыть их вновь не смогу уже никогда. Огромная часть моей жизни стёрта из памяти, нет никаких внешних ориентиров, и мыслям совершенно не за что зацепиться. Лишь отголоски каких-то событий, которые, возможно, никогда и не происходили, что-то на уровне эмоций, но, может, и фантазий. Всплывают из глубины души и тут же растворяются, никак не воссоздавая атмосферу реального прошлого. Даже то, что я всё ещё помню о себе, ощущается очень сомнительным, будто принадлежит вовсе не мне.

Как я пришла к тому, чтобы упасть на самое дно? Как я стала преступницей, изгоем, раковой опухолью нашего общества? Я ведь в жизни и копейки не украла! Я даже... даже как-то раз вернула найденный телефон законному владельцу! Что со мной произошло? Что я здесь делаю? Это не моя жизнь! Меня будто вырядили в чужое, больное проказой тело и сослали на изолированный остров.

Хватит! Довольно паники. Что бы ты ни сотворила со своей жизнью, всё это только твой выбор. Значит, обстоятельства сложились таким образом, что вынудили тебя ступить на эту скользкую дорожку. Ты всегда была благоразумной, но правда в том, что жизнь – странная штука. Никто никогда не знает, какие сюрпризы поджидают его в завтрашнем дне, и очень многие, будь у них возможность заглянуть в своё от-

далённое лет на пять будущее, не поверили бы тому, что с ними станет, в кого они превратятся. Каждый день в течение жизни мы принимаем решения, и эти решения постепенно изменяют нас и нашу реальность. Оглянувшись назад, каждый с уверенностью может сказать, как именно он пришёл к нынешней координате его жизненного пути, каждый сможет логически объяснить свои поступки, свои решения и свой выбор. Твоя проблема только в том, что ты не помнишь и не можешь ничего объяснить даже самой себе. Для тебя все изменения случились слишком резко. Но твоя жизнь сложилась так, как сложилась, остаётся только принять свои забытые решения и начать существовать в тех условиях, в которые они тебя завели. К тому же это ведь не самые плохие условия.

Что если бы сегодня ты открыла глаза не на вилле на берегу океана в компании любящего мужа? Что если бы ты проснулась в вонючей плохо освещённой камере в окружении таких же изгоев общества? Что бы ты чувствовала тогда? Признай, просто признай, что заслуживаешь именно этого, но этой участи ты избежала только благодаря Артёму. Он рисковал собой и своей свободой, он добровольно отправил себя в ссылку, чтобы быть рядом с тобой. У многих ли есть рядом настолько преданный человек?

Как же всё странно... Однажды я приняла решение никогда больше не вступать в серьёзные отношения. Дане понадобилось полгода, чтобы заставить меня переменить это

решение. Устав от одиночества, поддавшись желанию снова любить и быть любимой, я начала отвечать на его ухаживания. Потом он меня предал. Как хорошо, что я не помню этого, должно быть, это было ужасно. Будто какая-то другая женщина пережила за меня кошмарный период моей жизни, но эта другая женщина также стала женой Артёма. Как она отважилась на этот шаг после всего? Какими невероятными поступками, какими словами он уговорил её? Как бы там ни было, она не ошиблась в выборе спутника жизни. Ведь он всё ещё здесь, он рядом.

Как развивались наши отношения? Видимо, всё было так прекрасно, идеально настолько, что я просто не нашла к чему придрататься, за что зацепиться, и не смогла поступить по-другому. Видимо, он показался мне надёжным человеком, раз я отважилась довериться ему. Но любила ли я?.. Почему сейчас я не чувствую ни малейших признаков влюблённости в него? Неужели чувства стёрлись вместе с воспоминаниями? Нет, чувства, конечно же, есть, но это другие чувства... Сейчас Артём для меня чужой человек, и я не только не люблю его, я его опасаюсь. Мне тревожно в его обществе. Разговаривая с ним, я будто хожу по тонкому льду – настолько велико моё напряжение.

Ну, конечно! Меня предавали, я страдала, и волей-неволей начала опасаться сближения с людьми. Это нормально, так и должно быть. Когда больно – болит, когда страшно – боишься. Просто сейчас меня поставили перед фактом: этот

мужчина – твой муж и с размаху припечатали к постороннему человеку. Но все страхи и сомнения, конечно же, на прежнем месте. Я ведь не помню его и не помню счастливых лет нашей жизни.

А что если... что если он врёт? Что если всё было не так уж прекрасно? Но тогда зачем ему понадобилось бежать вместе со мной? Он мог бы оставить меня и заново устроить свою жизнь, он ведь симпатяга, да ещё и при деньгах... А может, я знаю нечто такое, из-за чего он просто побоялся оставить меня без присмотра? Вдруг я опасна для него? Может, мы предали наших подельников? Господи, целый океан возможных вариантов! Перестань, стоит ли полагаться на доводы разума, в котором случился очевидный сбой? Уж этот человек при необходимости нашёл бы способ навсегда заткнуть тебе рот. И этот способ был бы намного легче.

Нет. Кажется, он говорит правду – он действительно меня любит. Это читается в его глазах, в жестах, в манере понижать голос при разговоре со мной... Только вот почему я не могу побороть в себе желание бежать от него очень далеко и без оглядки? Ответ прост: я всегда делаю только то, что хочу. Меня бесполезно заставлять делать что-то и бесполезно ограничивать. Как только я понимаю, что моя свободная воля находится под угрозой, я, испытывая колоссальный дискомфорт от того, что не сама распоряжаюсь своей жизнью, всеми силами пытаюсь вырваться из обстоятельств, ставших этому причиной.

И сейчас как раз такая ситуация – меня поместили в определённые условия, как какую-то лабораторную крысу. Но приди же в себя! Разве Артём в этом виноват? Ты сама сделала это со своей жизнью, а он всего лишь пытается помочь тебе, хочет быть рядом, и ты должна быть благодарна ему за это! Перестань вести себя как идиотка, пока единственный человек, которому ты дорога, не отвернулся от тебя. Если ты не можешь (пока не можешь) ответить ему взаимностью, ответь хотя бы благодарностью.

Да и разве всё так уж плохо? Ну если разобраться? Разве плохо проснуться однажды со всеми решёнными проблемами? Ведь что у меня было ещё вчера? Разбитое сердце, жизнь, давшая глубокую трещину, зыбучие пески неопределённости, какая-то конура за третьим кольцом, подержанная малолитражка в кредит, перспектива остаться безработной. Туманная надежда обрести счастье рядом с Даней. А сегодня я проснулась сказочно богатой принцессой, живущей в прекрасном доме на берегу океана. И самое главное – я замужем. Замужем! Разве это не чудо? И этот человек любит меня! Он готов во всём меня поддерживать, хочет заботиться и оберегать. Нужно просто смириться. Нет – не смириться, нужно научиться получать удовольствие от этой жизни, свалившейся на меня как снег на голову. Возможно, она не так уж и плоха, возможно, со временем я снова полюблю этого мужчину. Однажды это ведь уже произошло! И мы прожили вместе пять – пять! – лет, и он всё ещё хочет быть рядом. А

это что-нибудь да значит, да?

Я всё ещё мысленно повторяла про себя «Артём. Артём», отчаянно пытаюсь поместить его в какие-либо моменты моей жизни, когда дверь в комнату приоткрылась и он, балансируя подносом, просунулся в неё спиной. Поставил рядом со мной на кровать нехитрый завтрак, нежно, но уверенно и по-хозяйски погладил меня по голове. Этот жест дал мне понять, что его руки в прошлом касались меня множество раз. Прежняя воинственность исчезла, её место заняла покорная смиренность. И благодарность.

Мы ещё немного поговорили, пока я пыталась завтракать. Я вглядывалась в его лицо, лицо человека, которого я должна была знать. Карие глаза, нервная, но добрая улыбка, массивная челюсть, аккуратный нос, растрёпанные, из-за постоянной привычки взъерошивать их, волосы... Не чувствовала ничего. Мой муж оставался для меня незнакомцем.

Разговоры наши вертелись в основном вокруг самых безопасных тем. Я попросила его рассказать мне об этой стране, ставшей моим новым домом, моей красивой солнечной тюрьмой.

– Ну что сказать? Затерянный рай, страна контрастов. Райские пейзажи и грязные улицы, роскошные виллы и трущобы. Когда-то коммунистическая идея здесь достигла высшей точки безумия, в середине семидесятых к власти пришли красные кхмеры и уничтожили практически половину населения. Всё это теперь, конечно уже, давно в прошлом,

но в стране пока ещё бедность и разруха, хотя они потихоньку восстанавливаются и уже много достигли. Люди здесь хорошие, это все замечают, очень добрые. Мы с тобой живём в курортном городе Сиануквиле на побережье Сиамского залива Индийского океана. Эту виллу мы сняли в аренду. Поживём немного здесь, потом не спеша, взвесим все за и против, выберем себе самый лучший дом и купим его. Не сейчас, когда поправишься и освоишься. Если нам здесь не понравится, можем уехать в другую страну. Не знаю, Малайзия, например? Да ты сама скоро всё увидишь, Лу. Мы попозже сходим прогуляться к океану, потом поедем поужинать куда-нибудь, а пока я хочу, чтобы ты отдохнула. Понимаю, что я для тебя пока чужак, не хочу слишком надоедать.

Мне действительно необходимо было остаться одной, чтобы пережить всё это, может быть оплакать то, что я потеряла, своих друзей и свой дом... И я снова почувствовала благодарность.

– Спасибо, Артём.

– Я буду внизу. Если тебе что-нибудь понадобится, просто попроси меня, хорошо?

– Хорошо, – слабо улыбнулась я.

– Тебе, наверное, о многом хочется подумать? – замялся он в дверях. – У меня к тебе одна большая просьба. Не напрягай свои мозги, им нужно восстановиться. Просто отдыхай, милая. Ты в безопасности, я люблю тебя. И всё хорошо, правда.

Он послал мне добрую прощальную улыбку и аккуратно закрыл за собой дверь.

Предстоящий день раскинулся передо мной, как бескрайняя пустошь.

Я долго сидела на своей кровати, вглядывалась в пол и изучала то, что от меня осталось. Осталось немного. Как-то размытая туманная жижа, неспособная понять даже то, где же она начинается и где заканчивается. Туманная жижа, сознающая только то, что безусловные рефлексy всё ещё при ней. Ванная комната, кажется, где-то здесь, на этом этаже.

Я вглядывалась в зеркало, изучала смотрящую из него женщину, сравнивала её с той, что была знакома мне прежде, и находила больше различий, чем сходств. У нынешнего моего отражения всё было каким-то более аккуратным, точёным. И нос, и губы, и даже брови. Глаза казались просто огромными на похудевшем лице, заострившиеся скулы делали её похожей на изголодавшуюся хищницу. Кое-как подстриженные короткие светлые волосы торчали во все стороны. Я не узнавала себя. Повертела головой, построила рожи, надеясь разоблачить подмену, но, к моему удивлению, отражение повторяло за мной все мои действия.

И вдруг я вспомнила, что когда-то, когда мне было года четыре, любимым моим занятием было прислониться к зеркалу лбом и носом, приставить с обеих сторон лица ладони и

подолгу вглядываться в тёмное зеркальное пространство, дожидаться пока оно раскроет передо мной свои тайны. Я точно знала, что за ним скрывается другой мир, а люди на мгновение оказавшиеся пойманными в зеркальные сети – будь то мама, заглянувшая проверить, в порядке ли макияж, или папа, стремительно прошедший мимо, и даже я сама, подолгу рассматривающая своё отражение, – это не мы сами, а наши противоположности. Зеркало представлялось мне окном в другой мир, где всё наоборот: раз левое становится правым, то, значит, зло становится добром, ненависть – любовью, больные – здоровыми... И я вглядывалась и вглядывалась в перевёрнутый мир, не дыша, чтоб не запотела поверхность, надеясь найти там добрую счастливую маму и доброго счастливого папу, здоровую себя. Мне хотелось подглядеть за зазеркальной семьёй, чтобы понять, каково это, когда все счастливы, здоровы и любят друг друга, хотелось найти там то, чего не было в мире с моей стороны зеркала.

Сегодняшняя отражённая я являла собой именно то, что я, будучи ребёнком, так настойчиво отыскивала в зазеркалье, – свою противоположность. Я была напугана, но её лицо не выдавало ни капли беспокойства, я была полна решимости действовать, изменить что-то, но её черты отражали покорность судьбе, я чувствовала себя молодой девчонкой, у которой вся жизнь впереди, а её глаза говорили о смертельной усталости, которая бывает только в конце пути. Я всё ещё была собой в конце концов, но она мной не была.

Скинула одежду, намереваясь принять душ, и снова повернулась к зеркалу. Застыла.

Сколько я уже вот так стою? Полчаса? Час? Сколько ещё понадобится мне времени, чтобы осознать, что в этом теле действительно живу я сама? Чтобы соотнести себя с этим отражением? Эту странную короткую причёску я ещё могу принять, сквозь это чужое измождённое лицо при ближайшем рассмотрении проступают мои черты, но тело... Итак, о чем же оно мне может рассказать? Определённо его холили и лелеяли, пестовали, будто самое смертельное оружие массового поражения. Дело даже не в худобе, дело в том, что это тело обросло мышцами. Они сухие и твёрдые, точёные. Рельефные руки и ноги, спина, кубики на животе. А задница! Сколько бы я ни поворачивалась, зеркало великодушно являло взору всё новые и новые мышцы, названий которых я даже не знала, но над которыми, судя по всему, усердно трудилась последние годы. Ощупывала себя. Обтянутый бархатом гранит. Красиво.

Очень красиво.

Что ж, спасибо тебе. Ты отлично потрудилась, пока меня не было. Раздобыла мне новое тело, любящего мужа и миллионы. Сколько у тебя это заняло времени? Шесть лет? Могла бы и побыстрее справиться, всё-таки это моя жизнь и моё время, впрочем, ладно. Постарела вроде не сильно, только вот лицо какое-то... Я взяла чужую, принадлежащую мне, зубную щётку, выдавила на неё горошину зубной пасты и на-

чала чистить... Я пригляделась внимательнее к своему отражению... Начала чистить свои идеально ровные белоснежные зубы, так и просящиеся на обложку глянцевого журнала.

Даже мои собственные зубы в моём собственном рту были чужими...

Глава 3

Я понимала, что должна начинать общение с мужем, но не знала, как переступить через себя, через свою скованность. Я его боялась. Чувствовала себя маленькой и брошенной, как в детстве, когда тебя не забрали вовремя из садика и ты остаёшься в группе в одиночестве. Мне казалось, я совершенно не умею себя вести, не знаю даже элементарных вещей, не отличу правой руки от левой. Чувствовала себя дикаркой, не способной на долгие разговоры, способной только бросать короткие испуганные междометия в ответ на его вопросы. Казалось, я всё буду делать не так, как надо: не так ходить, не так смеяться, не так разговаривать. Не так, как он привык. Я боролась с собственной неуверенностью часа два, после чего всё же отважилась спуститься вниз.

Он поставил на стол ещё одну чашку, налил в неё горячего зелёного чая.

– Что с моими зубами? – спросила я хмуро, двигая чашку к себе.

– А что с твоими зубами?

– Они не мои. У меня что, вставные челюсти?

Я смотрела на то, как он смеётся – мощно, с удовольствием, с громким раздельным ха-ха-ха, наклонив голову влево. Думала о том, что этот смех что-то мне напоминает, будто я уже видела это где-то. Может, в каком-то фильме, может, во

сне, а потом вдруг до меня дошло, что передо мной не кто иной, как собственный муж, и, конечно, мне должны быть хорошо знакомы его манеры.

– Это люминиры, Лу, – сказал он, просмеявшись.

– Что такое люминиры? – спросила я всё так же мрачно, несколько не заразившись его весельем.

– Тоненькие, как контактные линзы, керамические пластинки. Почему ты злишься? Они тебе не нравятся?

А правда, с чего это я злюсь?

– Ну нет, почему же? – скрипнула я зубами. – Очень красиво.

– Да, это красиво. Помню, когда я впервые тебя увидел, твои зубы были немного неровными. А теперь всё идеально.

Мы помолчали.

– А с телом моим что? – спросила я. – Чем я занималась? Каким спортом?

– Всем понемногу. Железо, йога, единоборства. Много бегала.

– Бегала? – поразила я. – Ненавижу бегать!

– Ну так не бегай, я же не буду тебя заставлять.

– Что ещё ты не будешь меня заставлять? – вырвалось вдруг из меня.

– Ничего, – спокойно ответил он, – кроме одного. Ешь, пожалуйста. Тебе нужно набрать прежний вес.

Он взял со стола сигареты, отточенным движением вытряхнул последнюю. Смял пустую пачку и небрежно швыр-

нул её на стол.

– Чего? – нахмурился он, когда увидел, что я гляжу на скомканную пачку. – Только не говори мне, что тоже хочешь.

– Есть ещё?

– Ты больше не куришь, Лу, – сказал он, отгоняя дым от лица.

– Как это?

– Ты бросила несколько лет назад.

Мне с трудом верилось в это. Курить сразу же захотелось просто невыносимо.

– Дай хотя бы затянуться пару раз, – настаивала я, почти паникуя.

– Нет. У тебя уже давно нет никотиновой зависимости, а то, что ты чувствуешь, зависимость психологическая. Я этого не знал, извини. Вот как мы поступим: я больше не буду курить при тебе, – Артём демонстративно раздавил сигарету в пепельнице. – Если тебе ничто не будет напоминать о курении, тебе не будет этого хотеться. Давай подождём немного?

Он всего лишь заботится о моём здоровье. Я заставила себя согласиться с этой мыслью.

– Хорошо, – сказала. – Но если мне будет хотеться, я буду курить,

– Не будет, – отрезал он.

В молчании мы продолжили пить чай.

– Ты должна поесть чего-нибудь. Хочешь омлет?

– Не знаю. Может быть...

– Хочешь не хочешь, а придётся.

Я следила за ним, за его плечами, руками и даже за ногами. Это руки моего мужа. Это спина моего мужа. Это ноги моего мужа. Немыслимо. Передо мной опустилась тарелка. Я смотрела на глазунью, глазунья смотрела на меня.

– Ешь, пожалуйста, – мягко, но настоятельно попросил Артём.

Я судорожно повела лопатками и сжалась. Было очень неуютно под его взглядом.

– Ты выглядишь ещё больше испуганной, чем с утра, – он легонько сжал моё плечо.

– Да нет, я не боюсь, просто... – я подвинула к себе приборы и воткнула вилку в жёлтый глаз. – Просто мой бредометр зашкаливает.

– Всё наладится, – он нагнулся и поцеловал меня в макушку, потрепал по волосам. – Пока просто живи. Ешь, спи, ни о чём не думай.

Думать, в общем-то, и не получалось, потому что я просто не понимала, в каком направлении мыслить. От чего отгаликиваться, к чему идти, до чего желать додуматься в итоге. В молчании ковыряла глазунью, исподтишка бросая осторожные взгляды в сторону своего мужа.

– Как достала меня эта постоянная стройка! – пробубнил он, косясь в сторону соседской виллы. – Долбят и долбят сутками напролёт.

Я только сейчас услышала стук молотков за окном.

– А я её даже не замечаю.

– Как можно не замечать этот грохот?

– Просто привыкла. Последний год я, можно сказать, жила на стройке.

Он посмотрел на меня так, будто видел впервые.

– Я снимала квартиру в первом сданном корпусе нового жилого комплекса, – пустилась я в объяснения. – А вокруг меня разворачивалась вся эта строительная какофония. За стенами – ремонтирующиеся соседи, дрели, молотки, за окнами – вколачивают сваи будущих корпусов, шум грузовиков, крики рабочих... Со временем перестаёшь обращать на это внимание, особенно когда валишься с ног от усталости. Я ведь, разрываясь между двумя казино, приходила домой только поспать, да и то всего на несколько часов.

– Неужели нельзя было найти место потише?

– За такую цену нет, да и зачем? Я отработывала смену в одном казино, потом ехала наводить порядок во второе, приползала домой, вставляла беруши и дрыхла без задних ног до следующей смены.

– И для тебя всё это живо настолько, будто происходило ещё вчера, – сочувственно вздохнул он.

– Да. И стройка – это ещё полбеды, грохот оживлённого проспекта – вот вторая половина. Сотни и сотни автомобилей сливаются в один нескончаемый поток. Обязательная утренняя и вечерняя пробка, все сигналият, нервничают, иногда кричат, высунувшись из окна, скорая и полиция включа-

ют непременную сирену, с апреля по октябрь рычат своими глушителями мотоциклисты, и всё это на фоне грандиозной стройки жилого комплекса. Этот inferнальный ад и сейчас грохочет у меня в ушах, стоит закрыть глаза...

И я закрыла глаза и снова оказалась в своей московской квартире.

Вечер. Осень. Новый аскетичный ремонт от застройщика, минимальный набор мебели из дешёвого сетевого магазина. Выхожу на открытый балкон. Высоко. Идёт дождь, фонари отражаются в чёрных лужах. Пронизывающий ветер, длинные косые струи. Машины набили проспект, отсюда, сверху, они кажутся разноцветными глазастыми сардинами, попавшими в сеть. Беспомощно сигналият в попытках вырваться. Закопчённое и затянутое тучами небо. Возвращаюсь в квартиру, здесь должно быть теплее, но нет. Тоже холодно, холодно от одиночества. Чувствую его каждой изнывающей клеткой, пробирает до костей. Иду в кухню, но забываю зачем. Бесцельно открываю холодильник. В нём ничего нет, кроме лампочки, подсвечивающей пустоту. Опять забыла купить еды. Пусто в холодильнике, пусто в душе. Голо. Нужно перестать думать об этом, нужно ложиться, спать осталось всего ничего. Шлёпаю босыми ногами до ванной, открываю кран. Вместо холодной горячая, вместо горячей холодная. Всё никак не привыкну. В зеркало лучше не смотреться, ничего нового оно мне не покажет, будет всё то же серое измождённое лицо, уставшие глаза и тёмные круги под ними.

Иду в комнату. В чёрном оконном проёме отражается свисающая с потолка лампочка. Нужно люстру, что ли, купить, может, поуютнее станет... Ну да, конечно, купишь люстру, и жизнь сразу наладится, как будто дело именно в ней... Задёргиваю шторы, выключаю свет. Быстро, пока не успели опомниться монстры, живущие под кроватью, забираюсь в холодную постель. Чёрт! Забыла носки надеть! Ладно, сегодня без них. Долго смотрю на узкую полоску света, падающую из коридора. С нарастающим ужасом смотрю, кажется, вот-вот кто-то пройдёт мимо, заслонит собой свет на секунду. «Хватит! – злится на меня мой внутренний голос. – В квартире никого нет, только ты одна, спи давай!» О, наивный внутренний голос, ты не ведаешь о чём говоришь! Ты сидишь где-то очень глубоко, и поэтому тебе просто не видны эти тени, которые начинают мелькать в полоске света, стоит только смежить веки.

Пытаюсь уснуть, но чувствую, как мёрзнут ноги. Встать нельзя, там, в прикроватной темноте, уже поджидают меня кошмарные щупальца и смрадные пасти. И, кстати, почему дверца шкафа приоткрыта? Я ведь закрывала её. Я точно, абсолютно точно помню, что закрыла эту чёртову дверцу, после того как достала пижаму! Я всегда, всегда закрываю! Зажмуриваюсь, накрываюсь одеялом с головой, сердце грохочет в ушах, в горле, волоски по всему телу встают дыбом. Под одеялом душно, нечем дышать, дешёвая синтетика не пропускает воздух. Стягиваю одеяло с головы, передо мной

снова возникает тёмный провал шкафа, теперь он, кажется, стал ещё шире. Кто-то незаметно приоткрывает дверцу изнутри в те моменты, когда я не смотрю. Нужно смотреть, иначе в какой-то момент она откроется достаточно для того, чтобы... «Чтобы что? – издевается надо мной внутренний голос. – Чтобы оттуда шагнуло жуткое бесформенное нечто и набросились на тебя? Если не можешь спать с открытой дверцей, встань и закрой её, нам рано вставать. И заодно возьми носки, ноги совсем ледяные. Опять хочешь цистит? Забыла, как это бывает?» Исхитрившись, обматываю ноги двойным слоем одеяла. Снова опускаюсь на подушку, уже в слезах. Как хорошо было греть свои мёрзнущие ступни об его, всегда горячие.

– Давай, давай сюда свои лягушиные лапы, – бормотал он в полусне, наткнувшись на мои холодные ноги.

Я всё реже вспоминаю его, но в такие моменты, как сейчас, – всегда. Я не оставила себе времени на эти воспоминания, забила свои дни до отказа, выделив несколько часов только на сон. Но между этими суетными сумасшедшими часами бодрствования и тёмными часами беспомощности всегда появляется он. Стоит только положить голову на подушку или осознать себя поутру, как воспоминания тут же впиваются в измученное сердце, снова и снова треплют его. Что можно вспомнить о тридцатилетнем мужчине, который умер на второй месяц своей новой жизни в качестве моего мужа? Что он любил майки с дурацкими рисунками? Что дул мне

на разбитую коленку? Просил тосты с яйцом на завтрак? Отлично жарил шашлыки и был душой компании? Строил рожи, изображая своего начальника и заставляя меня хохотать до упаду? Разрешал мне съесть всю колбасу с пиццы пеперони? Что очень хотел жить? Жить обязательно вместе со мной, и только так и никак иначе. Что долгие месяцы мне требовалась целая гора подушек, чтобы соорудить из них подобие его присутствия в моей кровати, чтобы было что обнимать и во что впитываться нескончаемым потокам слёз. Об этом мужчине, навсегда оставшемся тридцатилетним и до смешного в меня влюблённом мечтателе можно вспомнить многое, но лучше не вспоминать вообще. Не оживлять эти воспоминания, потому что вместе с ними оживаю и я, и мне снова делается очень больно.

Сколько прошло уже? Почти два года? Два и один месяц... Нужно жить дальше, нужно жить! А ноги все мёрзнут, и монстры под кроватью всё кишат, и некому прийти мне на помощь. Нет, есть кому, но дело во мне. Я не принимала этой помощи ни от кого, не могла, не хотела, боялась. И не надеялась.

В тот вечер я пересилила свой страх перед монстрами и спустила ноги на пол. Заставила себя дойти до выключателя, зажгла свет и нашла в сумочке визитку. Даниил Владимирович, должность и телефон на лицевой стороне. «Всегда рад тебе, Машенька» на обратной...

Я открыла глаза.

Холодная полупустая квартира исчезла, исчезла осень, исчезло одиночество. Мой новый шикарный дом наполнен солнечным светом, мой новый муж сидит напротив и смотрит на меня с любовью. И ноги больше не мёрзнут, потому что здесь всегда лето.

– О чём думаешь? – спросил Артём.

– Не знаю.

– Ну а всё-таки?

– Наверное, о том, остались ли мои монстры под старой кроватью или переехали сюда вместе со мной.

– Какие монстры?

Почему он так удивлён? Я не говорила ему? А может, я уже давно не боюсь их...

– Обычные, – я потёрла глаза и постаралась улыбнуться. – Хочу посмотреть город.

Мы долго гуляли по пляжу, разительно отличаясь от других парочек, обнимающихся, смеющихся, держащихся за руки и брызгающихся водой. Мы не держались за руки, не смеялись и даже не разговаривали. Я просто шла по полоске песчаного берега, сосредоточенно наблюдая за тем, как накалывающие волны хищно облизывают мои голые ступни. Артём шёл рядом, нёс мои босоножки и молчал. Пытался развлечь меня какими-то историями, шутками, но, расценив каменное выражение моего лица как неготовность идти на контакт, прекратил эти попытки. Я не имела ничего против его

общества, просто мне было настолько не по себе, насколько это вообще было возможно. Положение моё казалось настолько странным и сюрреалистичным, что даже раздумывать над ним не получалось. Я словно пыталась найти смысл в каком-то особенно дурацком и запутанном сне. Сне, который к тому же ещё и никак не могла вспомнить.

Солнце давно уже село, работники пляжных ресторанчиков сновали между выставленных на песок столиков, принимали заказы, разносили тарелки, полные аппетитной, вкусно пахнущей еды. Довольные туристы, полулёжа в удобных плетёных креслах и диванчиках, развлекали себя деликатесами, выпивкой и разговорами на самых разных языках. Проходя мимо одних, я слышала оживлённую беседу на английском, мимо других – яростный спор на французском, где-то неподалёку трёхголосый подгулявший хор пел немецкую песенку, вездесущие китайцы гоготали над какой-то шуткой за следующим столиком. Только русской речи не было слышно на этом весёлом интернациональном пляже.

– Здесь есть русские? – спросила я Артёма.

Он обрадовался вопросу, возможности поговорить со мной и начал оживлённо рассказывать про русских туристов и про тех наших соотечественников, которые предпочли Камбоджу России, переехав сюда и организовав здесь бизнес. Одни из них владели ресторанами и кафе, другие – маленькими отелями и гест-хаусами, третьи работали гидами. Были и те, кто не занимался ничем, просто сдавая в арен-

ду свою недвижимость в России и существуя на вырученные деньги в этой экзотической стране.

По всему пляжу прямо на песке сидели местные женщины в смешных разноцветных панамках, со вкусом подобранных по цвету к таким же смешным костюмчикам, больше напоминавшим пижамы. Несмотря на свои весёлые наряды, выглядели они чрезвычайно серьёзными. Они были заняты делом. Перед каждой из них на песке стоял маленький круглый переносной мангал с угольками, над которым они жарили, переворачивая, разнообразных морских гадов, насаженных на длинные деревянные шпажки, – маленьких осьминожек, больших креветок, кальмаров, лангустинов. Поливали их каким-то ароматным соусом. Проходя мимо каждой из них, я чувствовала голодный спазм в желудке. Нос, взбудораженный сказочными ароматами, настойчиво сигнализировал мозгу о необходимости подкрепиться, и впервые за этот день я воодушевилась:

– Я бы съела что-нибудь.

– Как я ждал этих слов! – просиял Артём и взял меня под локоток. Я не стала вырывать руку, хоть мне и не было приятно это прикосновение. – Сам-то я уже давно умираю с голоду! Чего именно тебе хочется? Какой кухни?

– Даже не знаю...

– Отлично! Я знаю! Отвезу тебя в один обалденный ресторан тут неподалёку...

– Мы можем поужинать здесь? Не хочу никуда ехать, тут

всё так вкусно выглядит.

– Лу, ты не сможешь спокойно есть на этом пляже. Тут много попрошаек.

– Смогу, – упрямо сказала я.

– Послушай, милая. Я действительно знаю, как будет лучше. Мы сейчас поедem в замечательное место, где сможем спокойно...

– Я хочу остаться здесь!

Голос мой даже немного повысился, в нём появились истеричные нотки. Я нервничала. Мне хотелось чувствовать, что я всё ещё вправе распоряжаться своей жизнью так, как считаю нужным, и пусть это упрямство и выглядело глупым и мелочным, оно было необходимо мне.

– А знаешь, я с удовольствием уступлю тебе, – примирительно сказал Артём. – Ты забыла меня и забыла то, как всегда доверяла мне. Что ж, придётся заново завоевывать твоё доверие, ради этого я даже потерплю местный сброд. Выбери место.

– А чего выбирать? Тут все кафешки одинаковые. Давай сядем прямо здесь.

Артём скептически хмыкнул, взял меня за руку и повёл к столику, отодвинул для меня плетёное кресло. Мне понравился этот галантный жест, но я не спешила усаживаться на мягкую подушку.

– Выбери сам, пожалуйста, на свой вкус. Я пойду прогуляюсь ещё немного, посмотрю на море, на звёзды, хорошо?

– Далеко не отходи. Гуляй так, чтобы я тебя видел.

– В последний раз я слышала эти слова от няни, и мне тогда было лет шесть, а сейчас мне почти двадцать пять, – усмехнулась я и тут же умолкла, поражённая внезапной догадкой.

Оставив Артёма одного, я направилась к океану, раздумывала над тем, что потерянные пять лет означают то, что мне уже давно не двадцать четыре. Скоро мне будет тридцать. Когда-то эта цифра казалась мне бесконечно далёкой, а теперь она возникла передо мной неожиданно, выскочила из забвения, как головорез из подворотни. Я посидела немного на песке, погрузив ноги в тёплую морскую воду. Волны почти не ощущались, стояла душная безветренная погода. Свободное от облаков небо открывало взгляду огромное количество ярких мигающих звёзд и незнакомых созвездий. Я снова пыталась думать над своей ситуацией, но голова была абсолютно пустой и несговорчивой. Она устала. Она больше не собиралась идти на поводу у моих страхов и сомнений, не собиралась в тысячный раз мусолить одно и то же, порождая всё новые вопросы и проблемы, она предпочла логически более правильный путь – принять новые условия и просто жить. Я встала и пошла к Артёму.

На нашем небольшом столике еле хватало места для всех заказанных блюд. Красиво нарезанные овощи, великолепные дары моря – крабы, креветки, лангустины, какие-то непонятные каракатицы. На отдельном блюде, украшенные

листьями зелени, источали головокружительные ароматы яркие рыбные стейки, в плетёной корзине сложены подрумяненные на углях булочки и маленькие багеты. В середине стола ведёрко со льдом и бутылкой белого вина.

– Это всё нам? – спросила я, недоуменно рассматривая стол.

– Нам, – кивнул Артём, расправляя салфетку на коленях.

– Нам же никогда не съесть столько.

– Да, но зато мы можем себе это позволить.

– Ну нельзя же так! Столько еды пропадёт!

– Отнесись к этому как к дегустации местной кухни. К тому же здесь ничего и никогда не пропадает, не беспокойся.

– Ты про животных?

Я как раз разглядывала спешащих к нашему столику двух небольших собак. Они выбрали новые цели для своих попрошайнических практик, безошибочно определив самый богато накрытый стол.

– Про животных, да, – ухмыльнулся Артём и потянулся к бутылке. – Ну что, вина?

– Если только немного.

– Конечно.

Артём немного плеснул в мой бокал, свой наполнил почти на две трети, прочистил горло.

– У меня есть тост, – сказал он и задумался ненадолго. Поднял на меня большие карие глаза, улыбнулся. – Я счастлив, что спустя столько лет мы всё ещё вместе. Ты здесь ря-

дом со мной, и это всё, чего я хочу. Если бы ты помнила, как начинались наши отношения, ты бы рассмеялась, потому что всё вышло именно так, как мы и планировали когда-то. Мы ведь всегда хотели этого – жить на берегу океана. Для меня не имеет значения, помнишь ли ты меня или нет, мы с тобой всегда со всем справлялись, справимся и с этим. За нас, Лу. За то, что мы храним наши клятвы, наше обещание всегда быть вместе, всегда сражаться за наше счастье и побеждать. Я люблю тебя.

– Красивый тост, – пробормотала я, поднимая свой бокал.

Неловко чокнулась с Артёмом, сделала маленький глоточек. Приятная прохлада побежала по горлу, тут же нагреваясь, плавясь и источая тепло. Я отставила свой бокал в сторону и схватилась за вилку.

– Просто умираю от голода!

– Что тебе положить, Лу?

– Хочу вот эту запечённую картошку и эту вот рыбу. Да, спасибо. Интересно, каким соусом они её полили? Такой странный на вид... М-м-м... Попробуй картошку, очень вкусно! Та-ак, а что насчёт рыбки?..

Артём наблюдал за мной с удовольствием и интересом.

– Положить тебе салат? – спросил, вдохновлённый моим аппетитом.

– Ага! Я почему-то только что поняла, как сильно оголодала.

– Ешь, Лу. Тебе нужно восстанавливать силы, посмотри

на себя, кости одни!

– Это да, – хмыкнула я с набитым ртом. – В жизни не была такой тощей.

– Это тоже моя вина. Ничего, я всё исправлю, мы всё исправим. Сама жизнь научила нас, что расставаться нельзя, мы всегда должны держаться друг друга, ведь у нас больше никого нет в целом мире.

Его последние слова эхом носились внутри головы, через минуту их смысл дошёл до меня окончательно. Похоже, это правда. У меня нет никого, кроме этого чужого человека, сидящего напротив и называющего себя моим мужем. Всех своих близких родственников я похоронила, а друзья похоронили меня. Но что с его семьёй?

– У тебя есть братья или сёстры, Артём? – спросила.

– Нет.

– А твои родители, они живы?

– Отец бросил нас с матерью сразу же после того, как я родился. А мать... Недавно она умерла от рака, как раз перед нашим переездом сюда.

Вилка застыла в воздухе на полпути к моему рту. Я опустила её, дрожащую, обратно в тарелку. Посмотрела на Артёма. Отсутствующий взгляд, сконцентрированный на огоньке свечи, глаза подёрнуты дымкой ностальгии. Лицо каменное, недвижимое. Он силился скрыть свои эмоции, но из-под покровы сдержанности, как сукровица из поджившей раны, на поверхность всё же просачивалась боль. Кадык взволнован-

но пульсировал под покрытой испариной кожей. Мне стало неловко, стыдно. За то, что я ничего не помню и не могу разделить его боль.

– Мне очень жаль... – я взяла его за руку, тут же осознав, что дотронулась до него в первый раз.

– Да, мне тоже.

Он сжал мою руку в своей большой ладони так, словно она была единственным утешением. У меня щемило сердце, но я не знала, что сказать, и не знала, как поддержать его. Любые приходящие на ум слова казались глупыми и неуместными, а весь ужас моего положения сразу же померк на фоне его горя. Он только что потерял мать и ещё не успел оправиться. В то время, как ему самому нужна поддержка, он вынужден возиться с больной женой, по утрам принимающей его за чужака. Даже стыдно стало и как-то совсем уж неловко. Мы молчали, слушали океан, ловили тёплый морской ветер, обдувающий, успокаивающий, наши напряжённые лица. Наконец Артём вздохнул, заморгал, словно избавляясь от навязчивости, посмотрел мне в лицо. В его взгляде больше не было горя и боли. Вытесненные стремлением жить дальше, они уступили место светлой печали, глаза подёрнулись дымкой ностальгии.

– Знаешь, она ведь очень тебя любила, считала тебя родной дочерью.

Теперь и я ощущала горькое чувство утраты. Я потеряла кого-то, кто меня любил. Как страшно, что у меня не оста-

лось ни одного воспоминания о той, которой я была дорога и которая была дорога мне. Мне не привыкать терять близких людей, но...

– Так жаль, что я её не помню!

– Я знаю, любимая, знаю. У вас были очень хорошие отношения, ты называла её мамой.

– Мамой... А как её звали?

– Надя. Надежда Борисовна. Вы очень любили проводить вместе время, болтали, смеялись, ездили по магазинам, ходили в салоны. Единственное из-за чего вы спорили, – это дети.

– Дети?

– Да, наши дети. Мама говорила, что хочет внуков, а ты отвечала, что ещё не время, что мы с тобой хотим пожить для себя.

– А ты что говорил?

– Сначала я был согласен с тобой, но потом встал на сторону мамы. Я хотел детей. Очень.

– Но я была против? – спросила я осторожно.

– Ты согласилась. Мы работали над этим какое-то время, но у нас ничего не получалось. А потом ты попала, и мы уехали сюда. Я надеюсь, что очень скоро мы возобновим наши старания.

Я дёрнулась, холодок пробежал по спине.

– Прости, – Артём снова поймал мою ладонь, – не хотел тебя напугать. Я говорю лишь о том, что надеюсь, что ты ско-

ро вспомнишь меня и всё станет как прежде. Конечно, я не буду настаивать на чём-то, чего ты не захочешь сама.

– Ясно.

Как же всё-таки тяжело мне даются разговоры с ним! Утренние обсуждения теперь казались детским лепетом по сравнению с тем, о чём приходилось говорить сейчас. Что же ждёт меня дальше? Я высвободила свою руку, взяла приборы.

– Как это вышло?

– Что?

– Ситуация. При каких обстоятельствах я упала с лестницы?

– Мы собирались ехать по магазинам, ты расчёсывала волосы у зеркала, когда я вышел во двор. Тебя долго не было, я занервничал и пошёл обратно в дом. И нашёл тебя возле лестницы без сознания. В этом тоже я виноват, я снова оставил тебя одну.

– Перестань, Артём! Ты же не можешь контролировать каждый мой шаг.

– Могу.

– Хэлло-о-о, мадам! – протянул скрипучий голос у меня над ухом.

Первое, что я увидела, обернувшись, это широко улыбающийся рот без половины зубов, заискивающе-умоляющие глаза, потом костыль, а затем и отсутствие одной ноги. Перед мной стоял нищий калека с протянутой засаленной бейс-

болкой кверху дном.

– Не обращай внимания, Лу, – взял меня за руку Артём. – Их тут много таких ходит. Жертвы режима Пол Пота, подорвались на минах.

– Мы можем дать ему что-нибудь? – спросила я, с трудом отрывая взгляд от пустой штанины.

– Не стоит. Запомнят твою щедрость, потом не отвяжутся. Будут подходить каждый день и просить ещё и ещё. Просто не обращай...

– Хэлло-о-о, мадам, – калека слегка качнул своей бейсболкой перед моим носом, с трудом устояв при этом на одной ноге.

– Иди! Иди отсюда! – рыкнул на него Артём.

– Артём! Как ты можешь?! Неужели тебе не жалко инвалида?

– Раньше я подавал им, Лу. Мы подавали. Поверь, у них нет ни стыда, ни совести. Как только почувствуют слабинку, встанут над душой и будут стоять. И ещё куча таких же напозёт, они знаешь, какие глазастые! Поесть спокойно не дадут!

Я проводила взглядом удаляющегося к соседнему столику калеку и повернулась к своей тарелке. Немного помедлив, ковырнула рыбу.

– Ты говоришь, их много? Подорвавшихся на минах?

– Да уж хватает. Здесь же на протяжении тридцати лет шла гражданская война. Жуткое время... Люди жили спокойно

в своей стране, пока к власти не пришло чудовище и не начало рубить всех направо и налево. Пол Пот хотел создать аграрное государство, выгонял всех из городов на поля выращивать рис. Ему нужны были рабы, интеллигенция уничтожалась – врачи, учителя, работники умственного труда, все те, кто не был задействован в сельском хозяйстве. Даже если кто-то просто носил очки, его тоже убивали. Чтобы не тратить патроны, людей рубили мотыгами... В землю закопали миллионы мин и снарядов, их до сих пор не все нашли и обезвредили. Калек тут много, к ним нужно просто привыкнуть, они тысячами подрывались на минах, люди по сей день оставляют в лесах и полях свои руки и ноги.

– Артём! Здесь что, опасно ходить по улицам?

– Нет, конечно! Все города уже давно разминировали, твоим конечностям ничего не угрожает, не беспокойся. В том случае, если ты не собираешься ловить змей в джунглях или пасти скот на полях.

Я услышала странные шаркающие звуки, как будто по земле рывками волокли брезентовый мешок.

– Хэлло-о-о!

Голос доносился откуда-то снизу. Опустив голову, я увидела человека без нижней половины туловища и чуть не поперхнулась тем, что было у меня во рту.

То место, которым оканчивалось его тело, было обмотано чем-то, что я так и не смогла идентифицировать – ткань или клеёнка, грязная и ободранная, она служила калек чем-то

вроде башмака на нижнюю часть тела, ладони его между тем были продеты в старые запылившиеся сланцы. Отталкиваясь от земли руками, он подползал всё ближе и ближе ко мне.

– Хэлло-о-о-о...

Я с трудом проглотила еду, тут же почувствовала приступ тошноты и отвернулась, сделала пару глубоких вдохов. Калека оказался рядом со мной.

– Хэлло-о-о-о, мадам!

Я заставила себя улыбнуться ему, протянула тарелку с рыбными деликатесами.

– Хотите есть?

Заметила, что правая половина лица его изуродована, возможно, огнём, правого глаза не было. Калека секунду взирал на тарелку единственным глазом, затем поднял его на меня.

– Уан долла, мадам?

– Иди отсюда!

Артём спас меня, прогнав попрошайку. Я больше не могла выносить странное и страшное смятение чувств, охвативших меня при его появлении. Смесь жалости, вины и отвращения.

– Ты был прав, – опустила я глаза в тарелку, – зря мы сели здесь ужинать. Прости, я виновата.

– Виновата достаточно, чтобы начать прислушиваться ко мне?

Я поднялась к себе в спальню. Постояла, оценивая обста-

новку, в которой мне предстояло провести самую странную в своей жизни ночь. Решительно, чуть ли не чеканя шаг, снова спустилась вниз.

– Мне не нравится моя кровать, – заявила без каких-либо вступлений, боясь засмущаться не к месту.

– Да? – удивлённо отозвался Артём, подняв голову от ноутбука. – Почему?

– Под кроватью не должно быть щели.

– Щели? – переспросил он с выражением беспокойства на лице.

– Есть такие кровати, у которых боковинки закрытые и доходят до самого пола, чтобы между ним и матрасом не было зазора, – пыталась объяснить я, не вдаваясь в подробности насчёт монстров, которые в любой момент могут метнуть ужасное щупальце из тёмного подкроватного пространства.

– О чём ты вообще? – сморщил он лоб.

Через полчаса мы уже были в мебельном магазине, ещё через два часа мастер, собравший мне новую кровать, отряхивал руки и раскланивался, уходя. Поразительно, на что способны деньги, даже вновь открыть закрывшийся на ночь магазин!

– Теперь всё в порядке? – спросил Артём с лёгкой иронией на дне серьёзных глаз.

– Теперь да. Приятных снов.

– Ну, приятных, – ответил он, стоя в дверях.

Какая-то смертельная усталость навалилась вдруг на меня, не терпелось поскорее остаться одной, чтобы... нет, конечно, я не усну, просто так о многом нужно подумать.

– Что-нибудь ещё? – спросила я его, рассеянно переминающегося с ноги на ногу.

– Нет, просто...

– Просто?

– Спокойной ночи, – он наконец вышел в коридор, и я смогла закрыть за ним дверь, но сразу распахнула вновь.

– Я разве не говорила тебе раньше про то, что кровать мне не нравится?

– Нет, – пожал он плечами, обернувшись, – не говорила.

– Странно, – пробубнила себе под нос, прикрывая дверь, но тут же решила, что зря придаю такое значение мелочам.

Едва я начинала впадать в полузабытьё, как мне тут же вспоминались слова Артёма о том, что наутро я могу себя не вспомнить. Обычно сон обладает способностью возвращать ясность мыслей, и в других обстоятельствах я бы непременно постаралась уснуть, чтобы проснуться со свежей головой, в которой уже всё расставлено по полочкам, но не теперь.

Лёжа в кондиционированной темноте, я всё никак не могла отпустить своё сознание, уговаривала себя не забывать больше. Чувствовала себя измотанной, замученной. Была уверена, что причина этому – колоссальный стресс, который я испытывала каждое утро из-за того, что мне приходилось

заново осознавать себя. Заново мириться со своим положением. Очевидно, моя нервная система просто не справляется. Я должна запомнить, должна! – повторяла я про себя, как мантру...

Никак не догоню его. Иду за его спиной, но его шаги шире моих, а бежать я не могу, очень хочу, но не могу. Вокруг темно, и я не разбираю, что это – стены или деревья, вижу только его фигуру впереди, всё время впереди. Я так устала догонять, совершенно выбилась из сил, но стоит остановиться, как ступни тут же начинают вязнуть в рыхлой почве. Я измотана, я в отчаянии, пытаюсь кричать, звать его, но мой голос преодолевает пространство медленнее, чем его ноги.

Бывают такие мгновения полусна, когда ты уже вроде бы осознаешь, что сон – это всего лишь сон, но кто ты на самом деле и какое место занимаешь в реальном мире, вспомнить ещё не можешь.

Обычно я наслаждалась этими мгновениями. Они дарили мне странное чувство спокойствия и обновления, как будто бы я появлялась на свет заново. Но не этим утром. Не было сегодня этого плавного блаженного перетекания из одного мира в другой, сегодня оно было замещено чувством глубокого животного испуга. Меня будто вырвали из забвения и встряхнули что было силы. В ужасе я села на кровати, вце-

пилась в одеяло. Завертелась по сторонам. Мне не пришлось вспоминать, кто я и где. Я испугалась от того, что знала это. Через какое-то время я успокоилась осознанием того, что помню вчерашний день, и снова упала на подушку.

С удивлением обнаружила, что нос заложен, а подушка вся мокрая, а когда пошла в ванную чистить зубы, увидела, что глаза красные и опухшие. Скорее всего, во сне я плакала. Чуть позже и Артём подтвердил мои догадки.

– Что случилось? – спросил он, когда я спустилась к завтраку.

– Приснился плохой сон.

– Ты ревела во сне?

– Кажется, да.

– Что именно тебе приснилось?

Я уже и сама забыла подробности. Что-то шевелилось в глубинах памяти, что-то мощное и тревожное, но не способное принять отчётливой формы, как огромная тень под водой.

– Точно не помню. Какой-то человек, я всё догоняла его, но никак не могла догнать.

– И всё? – спросил он, наливая мне кофе.

Я пожала плечами. Как можно пересказать сон? Пытаться наполнить смыслом свой рассказ так же бесполезно, как пытаться наполнить водой кувшин с отбитым доньшком. Весь смысл постоянно утекает, как ни старайся.

Глава 4

Первое время я держалась напряжением, шоковой собранностью, а чуть попривыкла к своей новой жизни, и вот, пожалуйста – впала в какое-то меланхоличное оцепенение, расклеилась.

Тянулся уже третий день моей новой жизни. Проходя мимо зеркала, я каждый раз вздрагивала, уверенная, что рядом со мной вдруг материализовалась на миг незнакомка. Когда я тянулась за каким-нибудь предметом, то пугалась собственной руки. Казалось, я сижу в чьём-то чужом теле и управляю им. Рука была незнакомой, слишком худой, даже костлявой, удивительно рельефной. Под кожей пролегли жёсткие мышцы, тоненькими змейками тянулись вены, а пальцы, казалось, растут не из ладони, а сразу из запястья – до того сильно выпирали из-под кожи тонкие косточки. Если я поднималась по ступеням, то видела острые коленки и загорелые ляжки, слишком худые, чтобы быть моими. Когда мне случалось улыбнуться, в голове тут же пронеслась мысль о том, какие белые и красивые теперь у меня зубы.

Я всё никак не могла привыкнуть к жаре, и мне пришлось просто научиться жить с ней. Воздух казался таким тяжёлым и влажным, что лёгкие отказывались от него, я всё ждала, когда у меня вырастут жабры и станет легче дышать. Большую часть времени я проводила в каком-нибудь случайном

месте – в кресле, в кровати, иногда даже на ступеньках террасы, поджимала под себя ослабшие вдруг ноги и сидела, застигнутая врасплох туманом задумчивости. Я часто бывала рассеянной и совсем не замечала, как течёт время. Часами могла сидеть на одном месте в полном бездействии и ни о чём не думать.

Артём как мог старался занять меня, развлечь и отвлечь. Рассказывал мне что-то, предлагал съездить куда-то, посмотреть то или иное место, поесть в каком-нибудь ресторане, но я не могла заставить себя остаться с ним наедине. Избегала его. В основном находилась в своей комнате, с диковинной штукой – планшетом на коленях, делая вид, что изучаю новости за последние шесть лет. Изучать было что, но я всё больше сидела, глядя сквозь погасший экран, погружённая в своё прошлое.

Меня терзало ощущение, что прежде я была занята каким-то важным делом, которое занимало все мои мысли и про которое я забыла теперь. Порождало его чувство постоянной тянущей пустоты, чувство того, в моей жизни чего-то очень и очень не хватает. Несколько раз принималась плакать. Размазывала слёзы по щекам и не могла понять: почему я плачу? По какому поводу? Начинала чувствовать себя глупо, и это чувство собственной неразумности было тем единственным, что хоть немного отрезвляло и успокаивало. Я придумывала для себя массу разных идиотских и не очень занятий, чтобы хоть чем-то заткнуть сквозящие бреши в сво-

ей нестабильной психике, однако противное до костей пробирающее ощущение голой пустоты никуда не исчезало. Оно всегда было внутри, как бы я ни исхитрялась замаскировать его.

– Не представляю, как можно вот так в одночасье собраться и покинуть насиженное место, не взяв с собой ничего? – вздыхала я, разочарованно перебирая скудное содержимое коробки из-под сигар.

– Пока мы с тобой в спешке собирались, наши друзья уничтожали документы, жёсткие диски, флешки. Всё, что несло хоть какую-то информацию о нас. Всё, что мы с собой прихватили, лежит здесь. Ничего, Лу, не переживай, наделаем новых фотографий.

– Ага...

Когда он уезжал по каким-то своим или нашим делам, я чувствовала себя свободнее, ходила по комнатам, как унылое привидение, подолгу стояла возле окон, глядя пустыми глазами на чужой для меня двор. Это так странно, когда за стенкой никто не живёт, и не ходит, и не стучит. Ни справа, ни слева, ни сверху, ни снизу. Никого. Нигде. Будто одна в целом мире. Холодное, несмотря на постоянную жару, чувство, непривычное и пугающее. Иногда, не очень часто, я выходила погулять в сад, сидела возле декоративного фонтанчика, смотрела как рвёт радугой мраморного дракона. Буквально. Лучи солнечного света преломлялись изрыгаемыми

потоками брызг и превращались в маленькую радугу.

По сути, всё, что я теперь могу о себе вспомнить, можно уместить в ящик размером с небольшой гроб. И похоронить. Всё равно эти воспоминания никак не увязываются с нынешней реальностью, а значит, не очень-то и нужны.

Мы много гуляли по городу или по пляжу, но о прошлом разговаривали мало. Я почему-то никак не могла заставить себя довериться Артёму, почему-то мне казалось: что бы он ни начал рассказывать, правды в его словах будет немного. В основном обсуждали происходящее вокруг нас, архитектуру, погоду, местных жителей и их нравы, ходили по магазинчикам, покупали разные безделушки в дом и одежду для меня.

Вечерами прощались и расходились по своим комнатам. Потом я долго лежала в своей кровати, перебарывая страх засыпания, всё ещё боялась не вспомнить на следующее утро то, что было сегодня. Как только глаза слипались, как только я проваливалась в блаженное забытьё, этот страх снова выдёргивал меня на поверхность. Засыпала я лишь тогда, когда сил бороться уже совсем не оставалось. И тогда в моей голове вспышками мелькали яркие образы, проносились, как кометы по небу. Иногда они затягивали меня в себя, в вязкую неразбериху, в жуткий бедлам сна. Иногда я слышала чей-то голос, тут же просыпалась, но никого рядом не было, однако голос какое-то время продолжал звучать в моей голове,

непонятный, приглушенный и будто бы на чужом языке. В такие моменты мне становилось жутко, казалось, будто так мои сны стремятся проникнуть в реальность.

Я вздрогнула и открыла глаза. На кровати кто-то сидел. Женщина. Тёмный силуэт на фоне темноты.

– Кто вы? – прошептала я, прижимая к груди одеяло.

Голова её шевельнулась, но ответа не последовало. Она внимательно изучала пустоту впереди себя, до меня ей не было никакого дела. Я не видела лица, но её фигура и осанка напоминали мне кого-то... Кого-то очень знакомого, очень близкого.

– Кто вы такая? – повторила я уже громче.

Голова её чуть опустилась и повернулась немного в мою сторону, будто она рассеянно соображала, не послышался ли ей мой голос. Теперь я видела её профиль, видела, как опускаются и поднимаются ресницы.

– Эй... – позвала её одними губами.

Она посмотрела мне прямо в глаза, и от этого взгляда меня пробил озноб. Я так часто вижу эти глаза! Эти чужие, но принадлежащие мне глаза! Это она – женщина из зеркала!

Она поняла, что я её узнала, и снова отвернулась к своим мыслям.

Почему так холодно? Я же не включала на ночь кондиционер! Воздух вдруг стал непригодным для дыхания, будто в нём летала ледяная крошка. Я старалась не дышать им и

молча дрожала под одеялом, а она сидела на дальнем конце кровати и не обращала внимания ни на меня, ни на мои терзания. От неё исходил этот могильный холод, и мне было страшно, страшно от того, что, если она снова обернётся, я увижу кишащие червями пустые глазницы и белую оголённую кость вместо лица.

– Пожалуйста, уйди! – попросила я, стараясь ничем не выдать своего страха.

– Я уже ушла, – сказала она тихо.

– Нет! Ты сидишь тут! В моей спальне! – в моём голосе появились истеричные нотки.

Она снова повернулась ко мне, печально улыбнулась, потеревила краешек простыни.

– Я ушла, – повторила она и поправила волосы.

Я следила за ней, не отрываясь. В жизни не видела таких красивых волос. Длинные, густые, мягкие. И мягкие движения изящных рук, пальцы тонкие...

– Как тебе живётся? – прервала она мои мысли.

– Что?

– Как ты живёшь? Хорошо?

– Ну, допустим, хорошо. А тебе какое дело?

– Хорошо, что хорошо. Я... – голос её оборвался, она глубоко задышала, будто насильно успокаивая себя. – Я рада за тебя.

Мне вдруг стало её жалко. Жалость эта зародилась где-то в глубине грудной клетки и в одно мгновение горячим пото-

ком разлилась по всему телу. Весь её вид кричал о том, что она глубоко несчастна и одинока. Так одинок может быть человек, отброшенный невиданной силой глубоко во вселенную, где кругом только темнота и пустота на миллионы километров вокруг. Ни до кого не достучаться, и никто не знает, где ты.

– А тебе как живётся? – спросила я и из вежливости, и из жалости.

Она долго молчала, постепенно всё сильнее сжимая в кулаке простынь, потом сказала:

– Нельзя было его слушать. Я должна была сделать это.

Голос, преисполненный отчаяния и сожаления, но твёрдый, как сталь.

– О чём ты?

– Я должна была...

Как быстро меняются её настояния и её интонации. Теперь она плакала.

– Не могу, не хочу ждать! Это было страшной ошибкой! Непростительной ошибкой!

– Что было ошибкой?

– Я застряла. Ничего не могу делать!

Я вслушивалась в каждое слово, но всё равно никак не могла уловить смысл.

– Мне жаль, но я совсем тебя не понимаю, – сказала я. – Расскажи мне лучше про Артёма. Он ведь твой муж?

– Муж?

– Ты ведь выходила за него замуж, а теперь мне приходится с ним жить. Расскажи мне о нём, он хороший человек?

– Да не пошёл бы он к чёрту? – фыркнула он с ненавистью и рассмеялась: – Артём! Это ж надо!

Меня удивила её странная реакция.

– Что с ним не так? – насторожилась я.

– Это он заставил меня! Только он виноват! Ненавижу его!

– Что заставил? Почему ненавидишь?

– Если бы не он... Я уже была бы там...

– Где там?

Её все время нужно было возвращать. Она мгновенно забывала обо мне.

– Где там?

– Всё сначала! – вдруг разрыдалась она, прислонив ладони к лицу. – В очередной раз всё сначала!

– Ты можешь нормально объяснить мне?..

Она отбросила с лица волосы, окинула меня спокойным холодным взглядом и набросилась. В один страшный момент она, как дикий зверь, вскочила мне на грудь и вцепилась в глотку. Я забилась под ней, пыталась кричать, пыталась вдохнуть хоть немного воздуха, раздирала ногтями кожу на её руках...

Проснулась я от своих же криков, села на кровати судорожно глотая воздух, всё ещё чувствуя сильные пальцы на своей шее. Я не знала раньше, что значит «холодный пот», но теперь я поняла. Тысячи и тысячи ледяных игл впиваются

в тело, пронзают его насквозь. Этот пот начинает стекать по лицу, и рука сама смахивает капли. Через секунду в спальню ворвался Артём.

– Что случилось?

Он включил свет, подошёл ко мне, сел на кровать. Волосы растрёпаны, на щеке след от подушки, глаза тревожные.

– Кошмар, – выдохнула я. – Мне приснился кошмар.

– Уф, я перепугался! Ну ничего, – он гладил меня по голове, пока я бешено вращала глазами, – кошмар – это не страшно.

– Нет! Это как раз было очень страшно! От начала и до конца.

– И что же тебе приснилось? Ужасные ужастики? Монстры под кроватью?

– Нет, хуже! Мне приснилась она...

– Кто?

– Она вышла из зеркала и стала меня душить.

Артём нахмурился, погрузил пятерню в волосы, какое-то время ерошил их.

– Почему она стала тебя душить?

– Сказала, что я... Я ей мешаю.

Глава 5

– О, привет-привет, дорогая! – суетился вокруг меня кучерявый упитанный мужчина в расстёгнутой гавайской рубашке, держал меня за руки, трогал мои волосы. – Новая стрижка? Неплохо. Ладно, не буду врать – мне всегда нравились твои волосы, жаль, что отрезала. Ну, проходите, не стойте в дверях.

Он приобнял меня за плечо и повёл внутрь дома, крича на ходу раскатистым басом:

– Мэри! Мэри!

– Вы уже здесь? – выплыла из-за угла молодая красивая кхмерка. Её английский был хорош, лёгкий мелодичный акцент добавлял ему шарма.

– Знакомься, – развернулся к нам кучерявый. – Это Луиза. А это Артём.

Мэри улыбнулась нам широкой белозубой улыбкой, подсветившей её тёмные кошачьи глаза, и протянула ухоженную руку.

– Привет.

– Привет, – я пожалала маленькую ладошку и тут же очутилась в её объятиях.

Ответно обняла её хрупкие плечи, ещё испытывая небольшое замешательство, в котором пребывала по пути к их дому. Отпустив меня, Мэри быстро обняла Артёма и поверну-

лась к хозяину дома.

– Проводи их на веранду, Пан, – сказала она ему. – Салаты уже готовы, а я на кухню за бутылками.

– Пан? – ухмыльнулся Артём, потрепав своего друга по кучеряшкам. – Звучит!

– Что поделать, – развёл он руками, – это ей проще выговаривать, чем «Стёпа».

Степан был тем самым товарищем, поспособствовавшим нашему переезду сюда. Это он помог с документами, с жильём и с дорогой, и вот теперь Артём привёз меня к нему знакомиться. Ну как знакомиться? По рассказам Артёма, мы были знакомы ещё в Москве, иногда, не очень часто, выбирались вместе куда-нибудь на охоту или на рыбалку в общей компании. Я-то, конечно, его не помнила, а вот Степан меня, судя по всему, знал неплохо. Два года назад он по схожим с моими обстоятельствам перебрался в эту страну, успел ассимилироваться и обзавестись женой-кхмеркой.

Пока Мэри расставляла стаканы и разливала напитки, я разглядывала её исподтишка. Стройная, гибкая, ловкая, как маленькая подвижная обезьянка, она лучилась гостеприимством и дружелюбием. И счастьем. Ей удалось выйти замуж за белого богатея, о чём тут, по словам Артёма, и во сне, и наяву грезит каждая, и она прекрасно осознавала свою удачу.

– Ну! – встал Степан, многозначительно поднимая бокал. – За знакомство! И, кстати, не только за него. Букваль-

но на днях Мэри сообщила мне одну очень радостную новость...

Он притянул жену к себе, чмокнул в макушку, потёр её маленькое плечо.

– Расскажем им, любимая?

– Расскажем, – зарделась она и гордо, и стеснительно одновременно.

– Ну, ты даёшь, брат! – полез к нему Артём, не дожидаясь озвучивания новостей.

Пока они все втроём на радостях обнимались и целовались, я сжимала свой бокал, чувствуя себя неуместной на чьём-то чужом празднике.

– Ну, даёшь! – повторил Артём, восхищённо качая головой и усаживаясь обратно на стул.

Всё ещё радостно улыбаясь, Степан повернулся ко мне.

– Вы давайте тоже не затягивайте с этим! Хочу, чтобы наши дети вместе играли у меня на заднем дворе. Рабочие уже копают бассейн и ставят карусели.

Я попыталась мило улыбнуться, но вышло скорее криво. Артём залпом выпил свой виски и откинулся на спинку стула.

– Не думаю, что мы куда-то торопимся, правда, милая? – взглянул он на меня с пониманием.

– А чем здесь ещё заниматься? – добродушно пробасил Степан, не дав мне сказать ни слова. – Впрочем, ладно. Поживите хотя бы полгодика и сами всё поймёте. Эта страна

будто специально создана для того, чтобы иметь большую дружную семью, больше здесь заниматься особенно и нечем.

Артём прислонился своим виском к моему. И снова что-то в его движении, в его запахе показалось мне знакомым, но это чувство сразу исчезло. Неужели теперь всю жизнь у меня будет это противное, сбивающее с толку ощущение дежавю, от которого я впадаю в транс, будто по мне выстрелили дро-тиком с обездвиживающим препаратом?

Какое-то время мы пообсуждали проблемы воспитания детей в интернациональной семье, а также перспективы их обучения в Сиануквиле, затем разговор плавно перетёк в обсуждение русских эмигрантов и рода их занятий, из чего я сделала заключение, что наших соотечественников здесь действительно хватает. Выслушали несколько дельных советов относительно нашего будущего в этой стране. Артём сосредоточенно покивал, рассматривая предложение принять доленое участие в строительстве какого-то рыбного завода, я послушала рассказы об игорном бизнесе и перспективах его развития здесь. Обсудили несколько вариантов по недви-жимости. Мэри всё время двигала ко мне поближе то одно, то другое блюдо, ласково улыбаясь, предлагала отведать её стряпню, и из вежливости я брала какие-то кусочки. Есть хотелось, но вместе с тем подташнивало.

Вся моя жизнь превратилась в какую-то сборную солян-ку из совершенно непривычных, неперевариваемых ингре-диентов, и я никак не могла усвоить её. Заставляла себя про-

глатывать то, что в меня запихивали, но всё это тут же просилось обратно, отказываясь приживаться во мне. Я хотела домой. В Москву. В холод, в грязь и в неустроенность. Хотела, чтобы мне вернули меня прежнюю...

Артём раскачивал мир вокруг меня, подталкивая мой гамак. В молчании мы наблюдали за тёмным океаном с веранды, а мои мысли витали далеко-далеко.

Неужели я больше никогда не нагряну неожиданно-негаданно к своей лучшей подруге с упаковкой пирожных? Неужели она, уплетая за обе щеки бисквиты, никогда больше не будет ругать меня за то, что я покушаюсь на её фигуру? Неужели мы никогда больше не соберёмся втроём в нашем любимом маленьком кафе и больше никогда, перебивая друг друга и самих себя, не будем делиться последними новостями? Не посплетничаем? Не посмеёмся? Не поплачем вместе?

Я больше никогда не увижу цены в рублях.

Не пройду по осеннему парку, собирая кленовые листья и вдыхая чистый, прозрачный октябрьский воздух.

Не встречу Новый год под ёлкой.

И снега не будет. Ни осеннего – робкого, стеснительно исчезающего с не успевшей остыть земли. Ни зимнего – вальяжного, скрипучего, пушистого, медлительного. Ни весеннего – рыхлого, серого, облезлого. Никакого.

Не буду печь блины на Масленицу и не пойду посмотреть, как сжигают чучело.

Не буду вместе со всей страной отмечать День Победы и не увижу грандиозного салюта на Поклонной горе.

Водка? Сталинские высотки? Берёзы?

Никогда больше даже не задумаюсь о том, какого мужчину я хотела бы видеть рядом с собой. Единственный мужчина, доступный для меня, сидел рядом, говорил что-то, но я его не слышала, только видела, как беззвучно шевелятся его губы. Мне приходилось делать усилия, чтобы возвращаться в нормальное состояние. Реальность поворачивалась под углом в двадцать градусов вправо и влево.

– Перестань пожалуйста, – я накрыла его руку своей ладонью, – меня уже подташнивает.

– Думал укачать тебя, чтобы ты поспала немного на воздухе.

– Артём, я не маленькая, меня не нужно укачивать.

– Опять грустишь? – наклонился он ко мне, запахло табаком и карри с ужина.

– Наверное, лучше не думать обо всём этом. Просто не думать, – вздохнула я.

– Ностальгируешь по России?

– По своей жизни.

– Перестань, Лу, у тебя прекрасная жизнь.

– Это не моя жизнь! Не моя! И имя не моё! Чувствую себя так, будто мне снится кошмар, но я никак не могу проснуться, и он продолжается и продолжается. Изю дня в день. Бесконечный кошмар.

– Лу, то, что изо дня в день – это прекрасно. Ты помнишь последние дни и последние события, значит, ты пошла на поправку. Скоро ты вспомнишь абсолютно всё, и тебе станет намного, намного лучше. Ты будешь чувствовать себя счастливой, я обещаю. Не торопись, дай себе время. Скоро всё встанет на свои места. Пожалуйста, не говори ничего про кошмары, я почему-то начинаю чувствовать себя виноватым. И ты ещё так на меня смотришь иногда, как будто я враг тебе. Знаешь, ужасное ощущение.

– Прости, я ведь не специально. Просто никак к тебе не привыкну, и ещё меня угнетает необходимость... – я замолчала, подбирая слова.

– Быть моей женой? – в его голосе слышалась горечь.

– Да. Я сама не выразилась бы точнее.

Артём машинально протянул руку, чтобы качнуть мой гамак, но тут же отдернул её.

– Расскажи мне о нашем прошлом, – попросила я.

– Я бы не хотел рассказывать, не хотел бы вкладывать в твою голову какие-то факты.

– Почему?

– Так я только отверну тебя от себя, Лу. Я твой муж и знаю твой характер. Чем больше я буду рассказывать тебе о нас, тем больше ты будешь чувствовать себя обязанной любить, понимаешь? Ты будешь ощущать, что тебе навязывают чувства и эмоции, требуют их от тебя. Ты будешь знать, что любила, но любить при этом не будешь, и это измучает тебя.

И меня тоже. Лучше уж начать всё заново.

Я раздумывала над словами Артёма и пыталась представить себе, что же я буду чувствовать, слушая его рассказы о нашем совместном прошлом. И поняла, что он прав. Что с того, что он будет излагать какие-то факты, а мозг будет дорисовывать детали к создаваемым им образам? Всё это не важно, к тому же он, скорее всего, не станет рассказывать мне о чём-то плохом, и так у меня сложится обманчивое представление о нашей семейной жизни.

– Вот как мы поступим, Лу, – Артём осторожно сжал мою руку. – Мы никуда не будем торопиться, я не буду требовать от тебя чего-либо и не буду настаивать на том, чтобы ты сейчас же мгновенно начала меня любить и исполнять обязанности жены. Не переживай за это, пожалуйста. Давай просто жить и по возможности наслаждаться этой жизнью. У нас есть море, солнце и целая прорва денег. Давай пока просто будем друзьями, тогда, может быть, тебе не захочется больше избегать меня. У тебя есть твоя комната, моя поддержка и будет всё, что ты захочешь. Ничего не стесняйся, любое твоё желание будет исполнено, все наши деньги – они общие, понимаешь? Ты их заработала. Ты никого не убивала, и те люди, у которых мы брали эти деньги, – это нехорошие люди, мы просто забирали у них немножко того, что когда-то наворовали они сами. Минус на минус равно плюс, преступление нейтрализовано. Мы не какие-то жалкие преступники, мы просто достаточно умны для того чтобы оказываться

в нужном месте в нужное время, и то, что с тобой произошло... Это ужасно, это целиком и полностью моя вина, я это признаю. Ты отправилась на дело одна, меня не оказалось рядом, и ты попалась. Больше этого не повторится, я буду рядом всегда...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.